

Александр Холми

АХАШВЕРОШ,
или
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ВЕЧНОГО ЖИДА

Александр Холин

Ахашверош, или
Приключения Вечного Жида

«Автор»

2014

Холин А. В.

Ахашверош, или Приключения Вечного Жида / А. В. Холин —
«Автор», 2014

Ахашверош – настоящее имя Вечного Жида, который проходит сквозь время, не умирая. Он возникает в разных странах под разными именами, но сразу попадает в поле зрения общественности. Это и граф Сен-Жермен, и таинственный маг Калиостро, и с виду простой профессор Израильского Университета, но всё это один человек. Почему он не может умереть? Так ли хорошо бессмертие? И какие данные нужны Ахашверошу из дневников Иисуса Христа? Но за известными Кумранскими рукописями охотятся сразу несколько мистических организаций. Кто же из них победит? И нужна ли какая-то победа?

© Холин А. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Холин

Ахашверош,¹ или

Приключения Вечного Жида

Апокриф

Как ни злы люди, они всё же не осмеливаются открыто преследовать добродетель. Поэтому, готовясь напасть на неё, они притворяются, будто считают её лицемерной, или же приписывают ей какие-нибудь преступления.

Франсуа де Ларошфуко

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Этот день почти ничем не отличался от сотен и сотен предыдущих, проскользнувших по столице суматошными суетивными тенями. И всё-таки среди мешанины важных и не очень заметных событий можно было обнаружить крупницы чистой истории, из которых природа ткала полотно минувшего прошлого. И, может быть, именно такой крупницей была встреча любопытной парочки за столиком одного из многочисленных московских ресторанов.

Они пришли в ресторан вместе, но, кажется, не совсем близко были знакомы, ибо пока читали меню, выбирая кушанья, нет-нет, да и бросали украдкой оценивающие взгляды друг на друга.

– Я не знаю, интересной вам покажется моя книга, или же попадёт в разряд проходных шаблонов, – решился нарушить парень затянувшееся молчание, – но я всё же очень благодарен вам хотя бы за то, что не отказались разделить со мной трапезу.

– Ух ты, как оригинально, – улыбнулась девушка. – Но, кстати, женщины редко отказываются от ни к чему не обязывающих подарков. Или ваше угощение – это всё-таки путь к благосклонности редактора?

– Видите ли, – смутился парень. – Я действительно рад, что вы согласились на моё предложение, только не вызывайте меня на неоткровенность. Думаете, я начну отнекиваться, мол, что вы, что вы, никакой задней мысли у меня нет, и не было? Ведь так? Все равно не поверите, да и неправда это будет. Но честно скажу, я рад вашему обществу и надеюсь, что книга моя вам, так сказать, придётся по вкусу без ресторанных подарков, авторских ухищрений и прочих стараний понравиться непосредственному редактору. С другой стороны, у меня была всё-таки весомая причина пригласить вас в ресторан. Сомневаюсь, что просто так вы бы согласились пойти отобедать с первым встречным. Ведь так?

– Так, так, – кивнула его собеседница. – Я действительно давно не была в ресторане, поскольку не хожу по приглашению первого встречного.

– А второго?

– И второго тоже, – рассмеялась девушка. – Но вы уже не первый раз штурмуете наше издательство. Почему именно у нас вы захотели издать свою книгу? Сейчас издательств много и можно найти, где вас примут с первого предъявления.

– Да, я знаю, – согласился парень, – но вы, Настенька, ой...

Парень поперхнулся, потому что до сих пор он свою спутницу называл только Анастасией Николаевной – к главному редактору довольно крупного столичного издательства по-другому нельзя. Девушка тоже заметила промашку потенциального автора и с усмешкой наблюдала, как тот наливает себе в стакан минералку, запивает всё спасительными глотками и отыскивает весомые оправдания.

– Ничего, Ярослав, ничего, – пришла она к нему на помощь. – Мы ведь не на территории офиса. Зовите меня просто Анастасией. Так на чём мы остановились?

– На издательствах, – отдуваясь, напомнил Ярослав. – Я хотел сказать, что вы, Анастасия, заработали своему издательству рейтинг исторически правильного, неподкупного центра, не соглашающегося на публикацию того же американского Дэна Брауна, которого и писателем-то назвать можно с большим трудом, но которого большими тиражами выпускает АСТ. Или, скажем, Донцову, Шилову, Маринину, которых веером штампуют в издательстве «Эксмо».

– Ну, вы, положим, не знаете, что и у нас мусору много выходит...

– Но не так много, как у ваших коллег, – перебил даму её собеседник. – Что ни говори, а заработать статус благородного издательства – на это надо много сил, возможностей, желания и, главное, умения. У вас это получилось на все сто, поэтому, зачем мне искать что-то или кого-то, если есть королева издательского мира?

– М-да, – хмыкнула Анастасия. – Но, если хочешь, чтоб рядом была королева, постарайся сначала сам стать королём, как говорят в народе. Надеюсь, вы ещё не считаете себя королём литературы и развлекательного бизнеса, как, скажем, заграничный Стивен Кинг или его коллега Стивен Спилберг?

– Вовсе нет, – мотнул головой Ярослав. – Просто в руки обыкновенному человеку попадают иной раз такие материалы, что не поделиться полученным знанием с ближними – это просто преступление.

– Именно такова ваша книга? Но с чего вы решили, что обязаны поделиться попавшейся в руки истиной с окружающим миром?

– Ну, может быть, она не так уж необходима не читающим. Может быть, лишь думающим найдётся здесь пища для ума. Мне так кажется. Причём, я постарался преподнести сюжет с криптографическим уклоном, дескать, мне никогда не добраться до логики вещей, тем более до настоящей истины, а вот мой читатель, думающий и сообразительный, всё поймёт, обо всём догадается и, может быть, укажет когда-нибудь автору путь к решению проблемы, то есть дорожку к незамеченному ключу истины.

– Да, я вас понимаю, – кивнула его собеседница. – Только за годы работы в издательстве я по роду службы не раз сталкивалась с авторами всех ранжиров и апломбов. Так вот, ни одного из авторов нет, не было и не будет, который не станет утверждать, что его книга – наиболее актуальна, интересна и нужна на сегодняшний день бедному голодному читателю. Что именно его труды вызовут небывалый, даже глобальный интерес, под который срочно и просто необходимо увеличивать тираж минимум до ста тысяч экземпляров.

– Хорошо, хорошо, – согласился автор. – Только слышали ль вы, чтобы кто-то, где-то рассказывал о жизни Иисуса Христа до тридцати лет? Ведь в Евангелие, по сути, описаны последние три года жизни Сына Человеческого.

– Почему? – удивилась Анастасия. – В Евангелии от Иоанна описывается, как родители впервые привезли мальчика в Иерусалим на праздник. Тогда Иисусу было всего двенадцать лет. Он всенародно обличал в храме саддукеев и фарисеев. Все удивились, откуда у ребёнка такой ум? И далее написаны были апокрифы, Евангелие от Фомы, от Марии, где разные свидетели, либо сподвижники описывают жизнь юного Сына Божия. К сожалению, многие из апокрифов утеряны, а оставшиеся не были канонизированы на Никейском соборе, поэтому к ним мало кто обращается. Но они всё-таки существуют.

– Да, я знаком с этой литературой, – вздохнул Ярослав. – Только в том-то и беда, что все существующие «свидетельства» написаны много позже пребывания Сына Человеческого на земле. Никто или почти никто из именитых летописцев не вспоминает о том, когда мальчик учился в монастыре ессеев, не упоминают его паломнической поездки на Тибет, а оттуда – в Аркаим, столицу Сибирского царства Десяти Городов. Никто даже не упоминает о том, что Иисус умел писать и сам иногда заносил свои мысли на пергамент.

– Ого! – воскликнула девушка. – Вы, я вижу, дали волю своей фантазии и внесли в книгу много таких вещей, проверить которые просто-таки невозможно. И если в ней речь идёт о младенчестве и юношестве Иисуса Христа, то где мне взять подтверждающий материал? Ведь Сын Божий – это не какой-нибудь агент 007 из Голливуда. Против исторически неподтверждённых материалов восстанет весь нынешний христианский мир, и католическая инквизиция постарается затащить на костёр не только автора, а так же и редактора, посмеявшихся замахнуться на неприкасаемое.

– Я понимаю вас, – горько улыбнулся Ярослав. – Ещё как затащат. Недаром инквизиторы до сих пор хвастаются, что всего за сто пятьдесят лет сожгли более тридцати тысяч опознанных ими еретиков. Но никто из них не упоминает о том, что первая реальная церковь возникла только 140 году новой эры. Её основателем был богатый судовладелец Марцион. Он полностью отвергал Ветхий Завет и впервые обозначил все воспоминания апостолов словом Евангелие,

то есть Благая Весть, но признавал только труд апостола Луки. В его церкви появилось первое Священное Писание, где очень большое внимание уделялось апостолу Павлу. По мнению Марциона христианство должно вытеснить всё, связанное с еврейскими традициями Ветхого Завета, в том числе и книги пророков.

Он говорил, что Иисус явился, чтобы указать Новый путь, но не оглядываться на старый. За это Марцион, как первый основатель церкви Христовой и первый еретик был отлучён официальной церковью в 1141 году. А всякое упоминание о нём считается с тех пор богохульством.

Почти в то же время, кажется в 180 году Ириней Лионский выпустил пятикнижие «Против ересей», в которых впервые были собраны вместе только четыре Евангелия, существующие поныне. Также впервые Ириней Лионский даёт понять, что объединённая и централизованная Церковь является мерилем истины. Всякая децентрализация являлась свидетельством заблуждений. Под этот ярлык угодила и Россия, несмотря на то, что христианство на Руси зародилось не от князя Владимира, внука княгини Ольги, а от апостола Андрея Первозванного. Помните, некоторые гордые украинские парубки до сих пор не отрицают, что Киев-град зародён был с лёгкой руки Андрея Первозванного, воздвигнувшего крест на киевской возвышенности.

К тому же, вы сами, Анастасия, только что упомянули о Никейском соборе. Он, вроде бы, состоялся в 320 году. Именно на нём были сформированы критерии, по которым впоследствии стали отбираться тексты Нового Завета, а остальные рукописи обозначались как еретические апокрифы. Всё противное Никейским догмам подлежало уничтожению.

– Вы, молодой человек, отменно владеете историческим материалом, – хмыкнула Анастасия. – Похоже, в архивных анналах вы докопались до сути религий различного толка и готовы эту информацию преподнести народу как небольшой атомный взрыв местного значения, не задумываясь при этом, что может произойти переворот сознания у большей части населения планеты. Этого в первую очередь не допустит католическая церковь, ибо «разделяй и властвуй», но не покушайся на догмы. Может, вы готовы объявить преступниками, еретиками и стяжателями власти все известные ныне конфессии?

– Ну, не все конечно, – пожал плечами Ярослав, – но довольно многие совершают преступления «во славу Божию». Скажем, те же иезуиты и масоны, прикрываясь крестом и именем Божиим, до сих пор совершают настоящие убийства, попирая шестую Заповедь – Не убий! Иезуиты отличились тем, что ранее с 1234 года они были известны как орден доминиканцев, основанный Домиником де Гусманом. Чувствуете?

– Что именно?

– Фамилия настоящего заинтересованного лица. Гусман – испанский еврей, поставивший своей целью уничтожение всех еретиков попавших в его лапы. Но костры «святой» инквизиции наибольшее распространение получили только в пятнадцатом веке. Кстати, французы тогда же радовались сожжению Жанны д'Арк, ведьмы, избавившей страну от английской интервенции.

А масоны, бывшие тамплиеры, впервые проявили себя уничтожением катаров.

– То бишь, еретиков? – ядовито усмехнулась Анастасия.

– Да, если клан катаров, где люди воспитывали детей исключительно с любовью к ближнему, можно назвать еретическим. Катары принимали в свою веру любого, кто отказывался от погони за властью, насилия и поклонения Золотому тельцу. Развалины их последней крепости Монсегюр в Пиренеях между Францией и Испанией сохранились по сегодняшний день. Но масоны после сожжения Жака де Моле, тамплиеровского гроссмейстера, никогда уже не были отдельным органом социального значения. В ложи масонов входят люди различных сословий, каст и верований. Да-да, я не оговорился. У этого вида человекоподобных каннибалов одна задача: поставить весь мир на колени и контролировать дыхание каждого, живущего на земле. Поэтому для достижения цели у них все средства хороши. Недаром же промасонская еврейская Америка 11 сентября 2001 года «позволила» совершить террористический акт бен Ладену. После этого Усаму бен Ладена объявили террористом номер один, а ФБР и ЦРУ вместе с прави-

тельством США получили возможность безнаказанно хозяйничать в любой стране нашей планеты, прикрываясь борьбой с терроризмом. То есть в силу вступил старый иезуитский приём: делать собственные делишки, прикрываясь чем-то значимым, например, крестом.

Тут уж выбор за вами: либо всю жизнь дрожать перед насильниками, либо делиться с благодарным читателем фактами, случайно попавшими к вам в руки.

– Но я не хочу, чтобы меня кто-то распинал за непроверенные факты! – снова воскликнула Анастасия. – Умирать за фантазмагорическую идею – это удел, скажем, тех же коммунистов, но никак не издателя, мечтающего поделиться с читателем радостью.

– Ваше восклицание очередной раз подтверждает, что вы совсем не знакомы с учениями Сына Божия, – усмехнулся Ярослав. – Вот вы сейчас с жаром воскликнули, дескать, «не хочу, чтобы меня кто-то распинал за непроверенные факты». Смею вас уверить, что для Всевышнего не существует человеческого «хочу» и «не хочу». Мысли ваши возносятся к Богу только реальными существенными образами. И, если убрать из вашего восклицания «не хочу!», то мольба примет диаметрально противоположный смысл. А когда вас распнут, то есть Всевышний выполнит вашу просьбу, вы опять воскликните: «За что?!». Теперь понятно за что Бог чаще всего наказывает? И ещё. Кто вам сказал, что факты, изложенные мной в книге, не проверены?

– У вас есть подтверждения или исторические источники?

– Есть, ещё какие, – утвердительно кивнул Ярослав. – Я сейчас вам кое-что расскажу. Но наш стол уже ломится от всякой всячины, даже испанскую «Мадеру» принесли, а мы с вами играем в труса перед какими-то страшными масонами, грозящими вам из-за шторы корявым пальцем.

С этими словами парень кивнул в сторону ресторанного окна, завешенного плотной муслиновой шторой цвета нежного персика, и Анастасия невольно оглянулась, чем явно развеселила своего собеседника.

– Вы простите, что я без галстука, – извинился Ярослав. – Ведь в ресторан особенно с дамой положено ходить в «протоколе».

Только костюм хорошего покроя и красивая рубашка явно свидетельствовали о том, что одежда куплена Ярославом не в магазине фабрики «Большевичка». Анастасия тоже выглядела для ресторана неплохо: строгий брючный костюм и блузка с затейливой рюшечкой. Но девушка всегда на работу являлась, так сказать, при параде, потому что в таком виде можно было пойти и в театр, и куда-нибудь на приём.

– Вы, молодой человек, немного отстали от жизни, – улыбнулась девушка. – Сейчас в нашем государстве в рестораны и театры уже давно пускают мужчин без галстука, лишь бы он не шокировал своим видом отдыхающих соседей.

Тут к их столику повара в белых колпаках и таких же передниках подкатили тележку на колёсиках, уставленную всевозможной кухонной посудой, баночками со специями и пузырьками с уже готовой подливой. Спутница Ярослава непритворно удивилась, так как не ожидала никакого шоу от поваров местной кухни и вопросительно вскинула глаза на своего улыбающегося кавалера.

– Я решил удивить вас, Анастасия, и заранее заказал кушанье, которое будет готовиться прямо у нас на глазах, – пояснил он. – Признаться, я и сам ещё не пробовал то, что нам должны приготовить, но необычное блюдо носит такое же необычное название.

– Интересно, и что это такое? – глаза девушки светились неприкрытым женским любопытством. Надо же! Повара примутся готовить кушанье прямо на глазах у зачарованной публики! Такого в русских ресторанах ещё никогда не было. Во всяком случае, в те времена, когда Анастасия нет-нет, да и посещала ресторацию, аналогичных проделок не выкидывали даже самые искусные повара.

– Перед нами будет сейчас запечён «Хвост дьявола», – объявил Ярослав.

– Что?! – ахнула девушка.

– Вы не ослышались, – улыбнулся её собеседник. – Тутюшние повара запекут перед нами рыбу, которую в Италии называют «Хвост дьявола». Не знаю, откуда у рыбы появилось такое одиозное название, но говорят, что этот «хвост» чертовски вкусен, даже пальчики оближешь.

– Да уж, удивлять вы умеете, – покачала головой девушка. – С одной стороны – книга о юности Иисуса Христа и возникновении христианства, с другой – «Хвост дьявола». Это, так сказать, на закуску. Отведав такое, поневоле задумаешься: а какому Богу или идолу молится сам автор?

Ярослав с улыбкой проглотил её маленький укол, но продолжение разговора к месту было отложить на потом, потому что трое итальянских поваров принялись колдовать над диковинной рыбой. Прямо возле стола заказчиков они разожгли огонь на небольших «поленях» сухого спирта, лежащих в изящном медном тазике, который водрузили на верхнюю полку тележки на колёсиках. Сверху на тазик постелили тонкий металлический лист, выполняющий, видимо, роль жаровни, набросали на него множество уже нарезанной овощной приправы, полили каким-то остро пахнущим соусом и в этот овощной винегрет поместили две тушки уже потрошенной рыбы.

– Это и есть хваленый «Хвост дьявола»? – с сомнением спросил Ярослав у одного из поваров.

– Не извольте сомневаться, господин хороший, – на ломанном русском заговорил повар. – Эта рыб есть у нас в судке.

Повар ловко вытащил из-под крышки судка из нержавеющей стали, стоящего на нижней полке столика ещё неосвежённую рыбу, устрашающий вид которой запросто мог вызвать дрожь в коленках любого нервного рыбака, попадись эта рыбка ему на крючок.

– «Хвост дьявола»! – повар картинно подцепил рыбину под жабры одной рукой и в то же время показывал на неё указательным пальцем другой. – Очистить новый рыб?

– Не надо, – мотнул головой Ярослав. – Я вам верю. Хотелось только взглянуть на саму рыбу. Ведь ни я, ни моя дама не то, чтобы не видели, а даже не слышали о вашей удивительной рыбе.

– О, это ещё один необыкновенный историй! – снова улыбнулся повар. – Говорят, сам Апулей когда-то любил кушать этот рыб прежде, чем работать.

– Вот-вот, – хмыкнул Ярослав. – А потом сам превратился в Золотого осла, и все свои приключения записал только после того, как снова стал человеком.

– А что? Это любопытная идея! – воскликнула Анастасия. – Вот будет здорово, если вы, отведав этой удивительной рыбы, тоже превратитесь в Золотого осла!

– Не получится, – парировал Ярослав. – Кто же тогда в Иерусалим к Шимону поедет? Осла без хозяина сейчас ни один пограничник через кордон не пропустит. Времена нынче не те.

– Вот тебе раз, – удивилась девушка. – Вы собрались в Израиль ехать?

– О, Господи! – закатил глаза Ярослав. – Я же вам уже несколько раз рассказывал, что та книга, которую я вам принёс, написана на настоящем историческом материале.

– Каком?

– Историческом!

Ярослав на минуту замолчал, покачал головой, дескать, с бабой свяжешься – сам бабой станешь, но ничего не сказал. Лишь только через минуту, стараясь подыскать какие-то прикиновенные слова, начал снова:

– Дело в том, что в Израиле у меня работает друг детства Шимон. Он профессиональный археолог, хороший парень, но несколько лет назад его родители решили вернуться на свою историческую родину и сына, конечно же, с собой прихватили. Только Шимон и в Иерусалиме нашел, чем заняться. Там, оказывается, есть археологический университет, с находками

и разработками которого считаются даже в заносчивых научных кругах Соединённый Штатов и Англии. Так вот, вскоре после окончания Второй Мировой в предгорьях возле Мёртвого моря израильские археологи обнаружили в одной из тамошних пещер глиняные амфоры, в которых было не вино, не золото, а множество пергаментных и папирусных свитков, почти прекрасно сохранившихся до наших дней, потому как амфоры были наглухо запечатаны сургучными печатями. И вот, израильские археологи сломали печати на библейских сосудах, а перед очами у них предстало такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

– А можно поточнее?

– Послушайте, Анастасия, неужели вы ни разу не слышали об этих нашумевших манускриптах? – удивился Ярослав.

– Слыхала, конечно, – кивнула девушка. – Однажды даже в интернете наткнулась на досужие сплетни по этому вопросу, но не обратила на проходное словоблудие особого внимания, поскольку приняла это за очередную журналистскую «утку», приперчённую и политую соусом.

– А зря, – мотнул головой Ярослав. – Такие исторические факты упускать из виду не следует. Если интересно, то загляните как-нибудь в тот же интернет и найдите труды о Кумранских рукописях австралийского востоковеда Барбары Тиринг. Эта женщина всерьёз взялась за расшифровку попавших в её руки документов и обнаружила тот факт, что летописцы Кумранской общины писали о деяниях тех же людей, о которых упоминают четыре известных евангелиста. Только имена этих исторических личностей скрыты под псевдонимами. Может, в Кумранской общине так было принято, может, ещё что, но сопоставляя Евангелие, Деяния апостолов и их письма, стало доподлинно ясно, что тексты писаны об одних и тех же личностях.

– Интересно, а о ком, если не секрет?

– Ну, скажем, – продолжил Ярослав. – Скажем, кого вы сможете узнать в Истолкователе закона, или в Праведном наставнике, или же Нечестивом священнике?

– Погодите, так сразу определить что-нибудь довольно трудно, – возразила Анастасия. – Это можно, наверное, но только ознакомившись с трудами вашей Барбары Тиринг.

– Не так-то это и трудно, – улыбнулся Ярослав. – То есть, не так страшен чёрт, как его малюют. Доподлинно известно, что Иисус Христос не раз произносил одну любопытную фразу в спорах с саддукеями, дескать, не уничтожить пришёл я ваш закон, а дополнить. Исходя хотя бы из этого определения, можно проследить путь Истолкователя закона, запечатлённый в Кумранских рукописях. И, странное дело, деяния этого неизвестного Истолкователя полностью совпадают с жизненным путём Иисуса Христа.

– Да, любопытно, – задумчиво ответила девушка. – А вот, скажем, Правдивый наставник – это кто по вашему мнению?

– Праведный наставник, – поправил девушку собеседник, – это, конечно же, Иоанн Креститель. Кумраниты считали его тем самым Мессией, которого в Израиле ждали тогда, а некоторые ждут до сих пор. Кстати, Барбара Тиринг упоминает, что один из важнейших манускриптов, попавший в её руки, это «пещер Хаваккук».² Это тоже один из чудом уцелевших апокрифов от лап централизованной Церкви. И Барбара даёт к этой книге пространственные комментарии.

– Постойте-ка! Неужели найдена настоящая рукопись пророка Аввакума?

– Не только она одна, – воскликнул Ярослав. – Там, в этих археологических документах, можно встретить такое, что в очередной раз перевернёт мир вверх тормашками. И это сделаю совсем не я, а исторические документы самим Господом сохранённые для нас!

– Вверх... чем, простите?

---

² Пещер Хаваккук (др. евр.) – книга пророка Аввакума.

– Вверх тормашками! Ну, вы меня понимаете, – отмахнулся Ярослав. – Именно отталкиваясь от фактических документов, я создал книгу, которую и предлагаю вам для ознакомления, а, может быть, и для печати.

– То есть, ваша книга может потрясти мир? – попыталась уточнить Анастасия. – Произвести фурор и даже хуже?

– Несомненно, – кивнул Ярослав. – А для любого издательства очередная скандальная книга – это интерес широкой общественности. Отсюда совсем иные системы реализации и прочее, связанное с книгоиздательским делом. Вы, думаю, в этом лучше меня разбираетесь.

– Но вы упомянули, что собираетесь поехать в Иерусалим? Или я что-то путаю?

– Нет-нет, всё так и есть, – кивнул Ярослав. – Дело в том, что как раз в этом институте, где хранятся рукописи, работает нынче мой друг Шимон. Он выходец из России, я уже говорил вам, но мы связь не потеряли до сих пор. И есть возможность не только познакомиться с уже добытыми материалами, но и отправиться на поиски новых. В тех местах очень беспокойная сейсмическая зона. Очень может быть, что снова рухнет какая-нибудь гора и среди базальтовых обломков мы обнаружим что-то новое, неизведанное.

– Постойте-ка, – пыталась уточнить Анастасия. – Вы полагаете, уже найденные документы – это лишь небольшая часть того, что ещё хранят горы Мёртвого моря?

– И даже не просто предполагаю, а на сто процентов уверен, – Ярослав для убедительности даже стукнул ладонью по столу. – В этом так же уверен и мой друг Шимон. Я не такой уж профессиональный археолог, но навыки всё же кой-какие имеются, поэтому смогу оказать помощь своему приятелю. А для вас, думаю, привезу очередную книгу.

– Да уж, предложение заманчивое, – резюмировала Анастасия. – Но позвольте, я сейчас отойду на несколько минут в дамскую комнату, а потом мы продолжим наше удивительное знакомство.

Ярослав кивнул, и его собеседница отправилась по своим женским делам. К тому же, повар уже закончил приготовление чудесной рыбы с аппетитным названием. Значит, впереди Ярослава и его девушку ожидало любопытное знакомство с местной кухней итальянского происхождения. А к изыстному обеду можно было добавить продолжение разговора о всколыхнувших мир Кумранских рукописях.

Меж тем Анастасия прошла в дамские комнаты. Убедившись, что она одна, достала из сумочки свой мобильный телефон и, хмурясь, набрала чей-то номер. Телефон ответил не сразу, поэтому она ещё сильнее нахмурилась и даже в нетерпении топнула один раз каблучком по кафельному полу.

Но вот на той стороне раздался мужской бархатный голос, и лицо девушки сразу разгладилось от излишних морщин. Даже приняло какую-то протокольную подобострастность, будто девушке предстояло отчитаться перед родителями за все пакостные неизвестные делишки, сотворённые вместе с весёлой дворовой компашкой, или убедить начальство, что она опоздала на работу из-за страшной аварии трамвая.

– Учитель! Это я вас беспокою, учитель. Я сейчас в ресторане с одним потенциальным автором. Но материал, который он предлагает, думаю, довольно серьёзен и я не могла не доложить сразу. Что? Какой материал? Хроника, касающаяся Кумранских рукописей... Что? Познакомить вас с автором? Он сказал, что чуть ли не завтра отбывает в Иерусалим на поиски остальных исторических манускриптов... Что?

Видимо собеседник на той стороне телефонного соединения сказал женщине что-то такое, от чего она просто-таки поперхнулась. Но, к счастью, не сказала ни слова в пику выволочки учителя, потому что чувствовала какую-то свою вину во всём происходящем. Хотя никакой реальной вины за нею обнаружить было просто невозможно.

Тем не менее, Анастасия кротко ответила:

– Хорошо, учитель. Я всё поняла.

В трубке уже монотонно раздавались короткие гудки. Анастасия поджала губы, явно не очень довольная ответом учителя, но возражать, а тем более разводить дискуссию было уже не с кем. Она подошла к зеркалу, висевшему над умывальником, внимательно осмотрела отражение своего лица, опять поджала губы, снова выражая недовольство, но вдруг отшатнулась от зеркала как ужаленная. У противоположной стены, где был вход в дамскую комнату, она ясно увидела фигуру своего учителя. В дамской комнате!

Анастасия резко повернулась, стреляя глазами по всем углам сантехнического узла, но никакого учителя, конечно же, не было. Вероятно, мысли, обронённые потенциальным автором, внесли такую сумятицу в достаточно спокойную размеренную жизнь девушки, что ей в самый неподходящий момент стали являться видения пусть знакомых людей, но не очень желательных для общения в этот момент.

Анастасия на всякий случай сплюнула через левое плечо три раза, закрыв, как положено глаза, и обернулась назад к зеркалу. Но его плоская блестящая поверхность больше никаких видений посетительнице предъявлять не собиралось. Девушка смочила холодной водой носовой платок, промокнула виски и решительно направилась назад в зал, где её дожидалась ещё неиспробованная итальянская рыба с чудесным завораживающим названием «Хвост дьявола».

Глава 2

«Ресторанное бдение» продлилось недолго. Виной всему было недовольство, высказанное учителем. После знакомства с итальянской рыбой, Анастасия демонстративно взглянула на часы и деревянным голосом сообщила Ярославу, что должна ещё успеть вернуться в издательство. Её новый знакомый понативно улыбнулся, но задерживать Анастасию не стал. Поинтересовался только:

– Когда мы сможем увидеться?

– Увидеться?.. – растерялась редакторша. – Ах, да. Думаю, до вашего отъезда я успею ознакомиться с рукописью и позвоню вам. Всего хорошего.

Выйдя из ресторана, Анастасия действительно отправилась в издательство. Если бы Ярослав узнал зачем, то очень бы удивился. А шла Анастасия Николаевна за рукописью Ярослава, поскольку хотела ознакомиться с ней дома. Она иногда позволяла брать работу домой, но только в исключительных случаях. Сейчас был именно такой исключительный случай – так сказал учитель. Может быть, он прав, а скорее всего, испугался, что в руки какого-то русского мальчишки могли попасть нежелательные для разглашения исторические документы. Но скоро всё станет ясно.

Рукопись Ярослава оказалась на месте. Сунув её в целлофановый пакет, Анастасия Николаевна вышла на улицу, поймала такси и по дороге домой пыталась проанализировать ресторанное знакомство с новым автором. Во всяком случае, она уже давно не встречала мужчин, из-за которых учитель стал бы волноваться. Значит, её новый знакомый не такой уж рубаха-парень, интересующийся криптографической историей христианства, каким он усиленно пытался предстать перед собеседницей за обедом.

Дома, пройдя на кухню, Анастасия Николаевна включила электрочайник, достала банку растворимого кофе «Чибо», замесала всё в большой фарфоровой кружке, разукрашенной неправдоподобными ромашками, налила сверху кипятка и, подцепив рукопись, забралась с ногами на диван. Если рукопись действительно интересная, как утверждал автор, то девушку ждёт необыкновенное знакомство с настоящим Сыном Человеческим.

День клонился к вечеру, за которым должна была обрушиться на землю густая звёздная ночь, укутав природу своим тёплым непроницаемым покровом. Небольшой караван купцов и паломников остановился на ночь в оазисе, приютившимся у подножия Ливийских гор. Самым бесценным среди пальм, кипарисов и тамарисков был источник, небольшое озеро. Вода на Ближнем Востоке ценилась больше всех мировых богатств. Земля полупустыни была богата растительностью и плодородием почвы, но не везде, поэтому и называлась полупустыней. Настоящая живая земля не только создавала неповторимый контраст с такырами, песчаником и мёртвым базальтом, а дарила всё же радость жизни народам, облюбовавшим эти места.

Может быть, в этом присутствовала какая-то своя прелесть, но никакой кочевник не получит доступ к мудрости. Так говорили жрецы, так и было на самом деле. Племена кочевников постоянно бывали в городах, но к осёдлости привыкали не все и далеко не сразу. Каждый житель этой страны получал что-то своё и успокаивался.

Значит, не совсем ещё Бог осерчал на непослушных кочевников. Значит, даёт ещё один шанс понять, прославить и донести всему миру Божественную Истину. А Истина, какая она? Если честно, то везде разная, то есть, у каждого человека – своя. Вот здесь, например, в оазисе, Истина – это то, что в полупустыне была и есть животворная влага, приносящая радость не только животным, но и людям, паломникам в священный Иерусалим. Там, в священном Иерусалиме, тоже есть Истина, но она так непохожа на здешнюю, что сравнивать две истины просто не имеет смысла.

Пока мужчины поили верблюдов и ослов, жёсткими щётками расчёсывали им шкуры с короткой, но свалявшейся от поклажи шерстью за время пути, женщины готовили трапезу, а многочисленные детки, предоставленные на время самим себе, занялись играми. Те, что постарше, деловито помогали либо матерям, либо отцам. А совсем маленькие мастерили из глины и песка крохотную дамбу в спокойной заводи пресноводного источника.

В караване дети путешествовали отдельно от отцов и даже от матерей. Детская беззаботность позволяла им воспринимать этот мир немножечко по-другому, не как остальным взрослым. Под присмотром нескольких женщин все они находились в обозе, но в различных местах. Мальчики обычно шли за повозками, или увязывались за верховыми впереди каравана. Подражая воинам, мальчишки с детства обучались выносливости, военным играм и привыкали к дисциплине. А девочки, особенно младшенькие, находили себе место в огромных повозках среди тюков с барахлом, овсом, ячменём и крупой, зарывались, как мышки в поклажу, вили тут же временные гнёздышки и даже умудрялись играть в ладушки.

Одна из путешественниц решила провести своего сына на «детской половине», но, сколько ни искала, среди больших и не очень подростков мальчика не было. Не оказалось его среди строителей глиняной дамбы на берегу водоёма, ни среди детей, присматривающих за овечьим стадом. Паломники на священный праздник Пасхи пригоняли с собой в Иерусалим целое стадо овец, потому как Господу надо было принести жертву во время праздника и в Красную неделю месяца Адар³ каждый день полагалось приносить жертву. Поэтому овечьё стадо было неотъемлемым атрибутом паломников. Но мальчика не было и здесь. Женщина, не на шутку встревоженная, подошла к детской половине, высматривая сына. Может, она просто его проглядела?

– Сестра моя, – обратилась она к одной из караванных воспитательниц. – Не знаешь, куда запропастился мой сын?

– Да что ты, Мицриам, – отвечала та, округлив глаза. – Я думала, он с тобой. Иисус такой удивительный и чуткий ребёнок, что вытворить какое-нибудь хулиганство просто не может. Не в его это характере. Ведь ты же знаешь, как я слежу за детьми, и твоего-то я бы никогда не упустила из виду. Пойди, спроси у мужчин. Может, он затесался среди них? А здесь твоего мальчика со времени выезда из Иерусалима вообще не было.

Мицриам поспешила по совету подруги к мужчинам, которые занимались своими важными делами, а в основном всю уплетали приготовленную женщинами еду, так что мешать мужской трапезе нельзя было, и мамочка, потерявшая своего мальчика, остановилась немного поодаль, высматривая: нет ли сорванца среди взрослых. Сюда воспрещалось заходить только девочкам, а мальчики, беря пример с отцов и копируя их, играли друг перед другом роль совсем взрослых, участвовавших в караванных заботах мужчин.

Мицриам вскоре заметили и тут же сообщили мужу, так как ни одна из жён не осмелилась бы самовольно нарушать вечернюю трапезу мужчин. Если пришла, значит, действительно что-то случилось. Её муж не заставил себя долго ждать, понимая: жена просто так не придёт.

– Что случилось, женщина? – голос у него был усталый, но ласковый. – Или что-то надо сделать?

Она поклонилась мужу, как положено, скрестив руки на груди, и ответила не скрывая тревоги:

– Я нигде не могу найти сына!

– То есть как? – поднял брови Иосиф. – О чём ты говоришь, женщина? Мальчик должно быть, где-нибудь со сверстниками. Ты везде посмотрела?

---

³ Адар – в еврейском календаре – февраль-март. В конце месяца был благословенный праздник Пасхи.

– Его нигде нет. Никто его не видел, – голос женщины готов был сорваться в истерический вопль. – Многие думают, что он со мной и не волнуются. Но мой сын никогда не исчезает, не сообщив о делах своих.

– А среди погонщиков смотрела? – опять нахмурился Иосиф. – Мало ли, может, искать ребёнка вовсе не надо, никуда не денется.

– Ещё нет, у погонщиков не спрашивала, – потупилась Мицриам. – Но что ему там делать? Мальчик никогда не интересовался верблюдами, быками или же ослами, хотя от ухода за животными никогда не отказывался.

– Мало ли! Наш сын как раз где-нибудь там, значит, волноваться не стоит, – пожал плечами мужчина и зашагал к источнику, где прямо на берегу расположились погонщики.

Жена семенила за ним. Но, ни среди погонщиков, ни среди вновь проверенных детей, ни среди женщин мальчика не было.

– Яхве! – воскликнул мужчина, подняв обе руки к уже потемневшему небу, на которое неспешно высыпались крупные разноцветные как драгоценные камни, звёзды. – Яхве! Помилуй нас!

Он так постоял некоторое время, молча в позе оранты, воздев руки к небесам, потом повернулся к стоявшей неподалёку жене.

– Наш сын остался в городе, – спокойно сказал Иосиф. – Но с ним ничего не случилось.

– Как! Не может быть! – воскликнула женщина.

– Я сейчас как бы услышал голос, – начал объяснять её муж. – Голос ангела сказал мне, что он там, и вспомнил: наш мальчик всё время не выходил из святилища. А когда караван тронулся в путь, ни ты, ни я не посмотрели, присоединился ли он к нам. Ведь так?

– Что же делать? – задрожал от волнения голос женщины.

– Как что, Мицриам? – воскликнул Иосиф. – Мы должны вернуться. Мы снова поедem в Иерусалим. И это добрый знак, потому что Яхве не хочет отпускать нас просто так. Но животным хоть немного надо отдохнуть. Да и нам тоже. Иди, я разбужу тебя рано.

Но сколько женщина ни старалась хоть немного забыться, уговаривая себя, что всё будет в порядке, что обязательно надо отдохнуть – всё было тщетно. И когда с первыми лучами солнца вместе с погонщиками к Мицриам явился муж, она уже была готова.

Её посадили на одного из взятых в караване ослов, и группа из шести человек отправилась в ту сторону, откуда скоро должно было в полный рост выползти на небосвод древнее дневное светило. В той стороне находился священный город, где оставили потерянного мальчика.

Маленький караван продвигался довольно резво. Ослики, почувствовав возвращение, шагали весело. Причём, им сейчас не мешали ни верблюды, всегда степенные и величавые, поплёвывающие на осликов свысока, ни тяготные упряжные быки, не шибко величавые, но такие же неспешные, как и верблюды. Без этих попутчиков дорога складывалась гораздо веселее. Тем более, возвращение в город обещало хоть небольшое, но всё-таки угощение в конюшнях постоянного двора, поэтому ослики старались вышагивать во всю.

Ещё солнце не задумывалось спрятаться на ночь в потустороннюю обитель покоя, а справа уже показалась живописная, богатая тамариском и пальмами долина Енном, выходящая прямо к заветному Змеиную пруду. Этот водоём получил такое название из-за окунающихся туда после удушливой засухи змей, не нападающих в это время ни на кого. Более того, прокажённый, отваживавшийся в это время искупаться вместе со змеями, мог выздороветь даже от своей тяжкой неизлечимой болезни. Оттуда рукой подать было до Яффских ворот, которые открывали путь прямо к священному пруду Езекии и к лежащему за ним храму Иеговы.

Казалось, город радуется возвращению паломников, несмотря на то, что издаലെка выглядел не очень радостно. Всё равно как распластавшаяся на горе величественная мрачная крепость, где прямо у входных ворот был выстроен богомерзкий амфитеатр Ирода, а на вершине

господствовала над окружающим миром башня Антония. На стенах, как всегда, виднелись закованные в латы легионеры, соблюдающие и наводящие в городе давно заведённый римский порядок.

Путешественники по-своему радовались скорому разрешению проблем, хотя радоваться ещё было рано, поскольку, где искать мальчика, не знал никто. Предположение, что Иисус находится в храме Соломона, оставалось пока только предположением, не опирающимся ни на какую основу, кроме голоса ангела, услышанного Иосифом.

Вскоре дорога вывела возвращающихся людей в предместье, и узкими улочками путешественники поднялись к храму. Оставив на безлюдной в этот час площади осликов, все шестеро поспешили в святилище, а войдя в храм ко всеобщей радости обнаружили потерявшегося Иисуса, стоящего в центре между двух групп взрослых мужчин, которым мальчик что-то увлечённо рассказывал. Но поскольку взрослые очень внимательно слушали молодого проповедника, значит, говорил он вещи весьма серьёзные. Хотя, если подумать, что может сказать мальчик? Какими речами он может заинтересовать степенных, богатых и уважаемых жителей этого города?

А он говорил и говорил непростые вещи:

– ... так исполняется то, что говорил пророк Исаия: «Вот Господь грядёт на облаке, и все творения руки египтян затрепещут при виде Его».

– Не хочешь ли ты сказать, дитя, – раздался голос одного из фарисеев. – Не хочешь ли ты убедить нас, что пророк говорил именно про тебя? Ты, мальчик, не по годам умный, но ведь не может такая незаурядная случайность свидетельствовать о пришествии Машиаха! Мальчик либо смеётся над нами, либо сознательно идёт на преступление!

– Не обвиняйте меня в том, что вы никогда не сможете доказать, – пожал плечами Иисус.

В храме на сей раз, прокатился явный ропот саддукеев и фарисеев, не соглашающихся превратиться так вот запросто в поклоняющихся пророку и чтущих живого бога верных его слуг. Машиах, думали все, не приходит к народу запросто, и пророки никогда не приходят из Галилеи, поскольку жители Галилеи считались сбродом и отребьем, примерно как в Индии каста париев считалась людьми «неприкасаемыми». Но откуда должны или обязаны прийти пророки – не знал никто.

– Мне доложили, что мальчик знает закон, – первосвященник Каифа. Он указал пальцем на Иисуса, стоящего посреди храма, при этом драгоценные камни перстней на руке первосвященника вызывающе сверкнули. – А не мы ли, служители бога, должны как зеницу ока оберегать закон? Послушаем, что скажет младенец в своё оправдание.

Иисус стоял посреди храма некоторое время, не проронив ни слова, потом всё же решил продолжить беседу с мудрыми мужами земли сей, тем более, что совсем неожиданно почувствовал себя способным на великие дела, поскольку находился в жилище Отца своего. Собственно, все люди являются детьми Вседержителя Саваофа, но мальчик считал себя особенным.

– Пророчество Отца моего исполнилось на Адаме, – начал снова говорить мальчик. – Адам не послушался Творца и был изгнан из Эдема. Чтущий закон должен знать, что если человек идёт против воли Бога, то тем самым исполняет волю Дьявола. Думая, что ни в чём не согрешил, человек на самом деле совершает большой грех. Но Бог никогда никого не наказывает и не отнимает жизнь. Просто у заблудшего есть ещё время для покаяния.

Если же он старается делать добрые дела и стремится покаяться, то такой человек может прожить на земле до старости, чтобы служить примером и люди праведные, а тем более грешники, подражали бы ему. Ведь только через добрые дела даётся человеку сила радости.

Когда вы видите перед собой гневливого и яростного человека, который может не раздумывая обидеть слабого или убить ближнего, – дни его сочтены, ибо такие погибают во цвете лет.

Иногда злобные, свирепые и похотливые люди выживают. Иногда даже получают власть. Но всякое пророчество, которое изрёк когда-либо Отец мой о сынах человеческих, должно исполниться.

Жития Илии и Еноха написаны неправильно, – пророки живы и по сей день в Царствии Небесном, сохранив те же тела, с которыми они родились...

Необычный оратор на несколько минут замолчал, поскольку по залу опять прокатилась бесперебойная штормовая волна ропота. Надо же, совсем юный мальчик владеет такими знаниями, о которых достойные мужи только догадывались! Такого просто не может быть! Ворчание больше всех исходило со стороны, где собрались саддукеи. В их среде очень чувствительно относились к родовым признакам человека, тем более к пророкам Иерусалима. Но, ни Енох, ни Илия к знатым родам не относились, хотя и были живыми взяты на небо в царство Божие.

– Что касается отчима моего Иосифа, – снова продолжил Иисус, – то ему не дано будет, уйти к Богу живым, как пророкам. Он знает, что человек только тогда от Бога получает жизнь, когда соглашается заранее на будущую смерть. А что с человеком случается в потустороннем мире, ответить может только Отец мой.

И я говорю вам, Илия и Енох снова придут в этот мир для того чтобы оставить здесь подаренную Богом жизнь. Потому что никто в конце времён не будет иметь этой жизни, она не пригодится уже никому.

Не зря сказано: «Антихрист умертвит четыре тела и прольёт кровь, как воду, из-за позора, которому эти четверо подвергнутся, и бесчестия, которым поразят их при жизни, когда откроется нечестие их».⁴

– Воистину! – вскричал один из саддукеев. – Воистину, этот мальчик – наби⁵ Израиля! Кто скажет, что это не так?

Но желающих возразить восхищённому философу не было ни среди фарисеев, ни среди саддукеев. Мальчик, воодушевлённый такой сильной поддержкой, уверенно продолжил свою речь. На этот раз он обратился непосредственно к собравшимся здесь фарисеям:

– Чему учите вы, уважаемые люди, в своём храме? Вы стараетесь сохранить древние еврейские законы от пророков, но при этом, не участвуя в храмовых богослужениях. Кому вы совершаете жертвоприношения, если никак не можете уменьшить страдания вашего народа? Вот вы, – Иисус показал на группу фарисеев, стоящих в правом приделе храма, – все одеты в пурпурные богатые одежды, все в золотых украшениях, все с сытыми и довольными лицами. Вы не знаете, как живут бедняки и нищие, не знаете ни болезней, ни страданий своего народа, как же вы можете судить и осуждать ближнего своего? Как же не хватает у вас смелости задать вопрос себе самому: а прав ли я?

Я точно знаю, что вы – стараетесь соблюдать законы, которые никак не отражают и никогда не отражали Божественного духа и любви Саваофа к людям. Вы готовы покаяться перед народом на ритуалах и церемониях, но не в обычных бытовых спорах. А народ живёт не ритуалами. Нищие и прокажённые у Силоамской купели ожидают, что хоть бы кто-нибудь не дал им умереть с голоду.

Вы можете пройти по улицам к храму с лицами, покрытыми пеплом и по дороге притворно выкрикивать молитвы. Только тогда нищим, попавшимся на пути, вы раздаёте милостыню. Но в действительности вы ищете только власти, которая никогда не будет Божественной, которая поклоняется только Золотому Тельцу. При помощи своей власти вы надеетесь отобрать у нищих деньги, подаренные вчера вами же. Ведь право, зачем нищему деньги, он и так проживёт, на то он и нищий? А деньги счёт любят и должны быть собраны вместе – шекель к шекелю, лепта к лепте.

---

⁴ Откровения Даниила, Еноха и Ездры. Апокриф.

⁵ Наби (др. евр.) – пророк.

Один из фарисеев, покрасневший, как его одежда, вскинул руку с указующим перстом в сторону выхода и завопил:

– Вон отсюда, мальчишка! Не дорос ещё, чтобы указывать мне, как совершаются моления! Мал ещё, чтобы в моём кошельке деньги считать! Подрасти, пока ума наберёшься!

Но его бешеный крик потонул в радостном всеобщем приветствии новоявленному риторике от толпы саддукеев, занимающих левый храмовый придел. Те всю радость помощи, пришедшей неожиданно из уст мальчика, которого они сами же совсем недавно хотели изгнать из храма за нелюбезные речи. Пощёчина фарисеям сделана как нельзя кстати. Поэтому со стороны саддукеев не слышалось ни одного недовольного отклика – тем просто нечего было возразить. Когда же всеобщие крики стали немного утихать, мальчик снова привлёк к себе внимание, но уже речью против другой половины собравшихся в синагоге людей.

– А что же вы, саддукеи, радуетесь? – продолжал Иисус. – Если каждый из вас богат и потомок рода богачей, вы с малых лет считаете, что по наследству от родителей должны иметь священнические обязанности и право, которое существует со времён царя Давида, то все вы жестоко ошибаетесь. Священничество по наследству не передаётся. Это духовная обязанность человека, умеющего пасти стадо своих овец.

Не ту же ли букву закона почитаете и вы, как ваши противники? Кто из вас не отвергал предсказания пророков и не кидал в него камень? Кто не поносил бессмертие души и посмертное воскрешение? Кто из вас не преступал веры, боясь преступить закон? Ведь только вера объединяет людей, а религия приносит вражду, злобу и ненависть. А вы верите не Богу, вы верите обрядам, совершённым в храме. Кому же вы молитесь?

Вы смеётесь пусть даже над пустым и показным верованием фарисеев, а всё служение Иегове для вас заключается только в храмовых церемониях, но никак не в искренней вере во Всевышнего. И ваша вера так же пуста и бездонна, как пропасть преисподни.

Ваша вера – это вознесение себя самого над всеми и то же самое стремление сохранить власть Золотого тельца. Все вы забыли мысли Божьи, управляющие миром. То есть, хранители законов забыли законы, либо искажают их как кому надобно. А законы даны Моисею не для искажений по собственному разумению. Каждый человек призван, понимать Божественные мысли, делать их живыми в этом мире. После того, как мысль получит жизнь и только тогда, человек сможет понять, для чего ему дарована эта жизнь.

Вспомните, что сказывал Исаия:

«Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нём, все любящие его!

Возрадуйтесь с ним радостью, все сетовавшие о нём, ибо так говорит Господь: вот, Я направляю к нему мир, как реку, и богатство народов, как разливающийся поток, для наслаждения вашего; на руках будут носить вас и на коленях ласкать. Как утешит кого-либо мать его, так утешу Я вас, и будете утешены в Иерусалиме... Ибо Я знаю деяния их и мысли их; и вот, приду собирать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою».⁶

Вы видите, что я уже много знаю, потому что пытаюсь понять сказанное Исайей. Поэтому человек должен понять, что всё невидимое вечно, а наша мысль спокойно может видеть это невидимое, потому что она сама невидима, но существует. А существо мысли никаким изобретённым для этого законом доказывать и подтверждать не надо.

Творец сотворил весь этот мир не руками, но Словом, ибо сказано в заповедях: Вначале было Слово! Нужно понять Господа нашего, как существующего ныне и вечно, как существующее слово, как существо мысли. Но никто не вправе переделывать Его творения, направлять всё по какому-то изобретённому разумению. А от кого заумные разумения приходят – известно. Каждый человек должен знать, кому он возносит молитву, кому служит. И только тогда станет ясно, какой силой он пользуется, что может и что не может. Внимания заслужи-

---

⁶ (Ис., LXVI, 10–13, 18)

вает совсем не тот человек, что поддался искушению, а кто смог победить его, уцелеть и даже перешагнуть. Каждый человек – только Сын Божий, но никак не сам Господь. Это знает любой бедный, но это неизвестно никому из богатых, потому что богатые думают за деньги купить себе место в Царствии Небесном.

Под сводами храма повисла гнетущая тишина. Этим и воспользовались мужчины, пришедшие за отроком. Они помогли Иосифу буквально утащить мальчика из храма, пока все многоуважаемые мужи были ещё ошарашены обличениями младенца и переваривали сказанное каждый в силу своего восприятия.

Мужчины вывели Иисуса на крыльцо храма, и отец набросился на него тут же, решив отратить мальчика от раннего повзросления:

– Как ты позволяешь себе разговаривать с уважаемыми людьми? Что они тебе сделали? Этот мир у нас такой, каким сотворил его Господь, и не надо противиться Промыслу Божьему, ибо слова Первосвященника всегда были и останутся законом Единого Яхве! Обвинять же в ересь, не заслуживших никаких обвинений – это воистину человеческий грех! Это твой грех и ты слишком рано подумал, что можешь чему-то учить людей, давно уже познавших Истину. Все мы стараемся обвинить окружающих в нелицеприятных поступках, не замечая ничего за собой. Подумай, так ли ты чист, чтобы мог учить уму-разуму и обличать ближних, старше тебя по возрасту и по уму?

Мальчик при строгом внушении старшего, которого он обязан был слушаться беспрекословно, поднял на него глаза и чуть слышно произнёс:

– Людям всегда нравится выглядеть намного лучше, чем они есть на самом деле, поэтому любому из нас полезно возвращаться к исходным темам, то есть, как говорят мудрецы: *sor lemahela haschar*.⁷ Только разобравшись в начале – откуда всё происходит, человек сможет познать себя и принести этому миру часть радости.

Потом Иисус, будто продолжая давно начатый разговор, совсем уже не к месту рассказал Иосифу, как провёл в Иерусалиме вчерашний день, пока не началась служба.

– Увидеть Иерусалим, храм Иеговы – это ли не мечта каждого! – мальчик не отводил взгляда, и его отцу даже стало немного не по себе. А тот, как ни в чём не бывало, продолжил:

– Я видел этот город, видел амфитеатр Ирода, башню Антония и всюду вооружённых пиками стражников. Этому городу дано стать отправным местом молитвенников и Божьих проповедников. Именно отсюда Слово Божье начнёт растекаться по всему свету. Но вооружённые злобой люди выполняют здесь нечеловеческую службу. И грех убийства может принести нашему народу проклятие на все времена.

– Да как ты можешь так говорить о воинах! – воскликнул один из мужчин, пришедших вместе с Иосифом. – Любой воин выполняет только то, что должен! Такие обязанности были и есть у воинов во всех странах и во все времена.

– Грех убийства не прощается ни на том, ни на этом свете, ни сейчас, ни в прошлом, ни в будущем, – заупрямился мальчик. – Я знаю, что это так, потому что каждому из этих солдат всё равно кого убить. Значит, много раньше была убита душа каждого из них. Ведь Господь создал человека не для убийства и завоевания, не для насилия, зависти и жадности, не для обжорства и похоти, а для того, чтобы принести хоть толику радости ближнему.

– Неужели всё так, как ты говоришь? – робко спросил ещё один из шестерых, помогающих плотнику Иосифу в поисках сына.

– Я не просто говорю, – принялся рассказывать Иисус. – Я прошёл днём по городу и видел квартал язычников, из которого когда-то прольётся возмущение, потому что Бог – един, и никто не вправе указывать каким путём человеку идти к Божественному чертогу. Может быть, эти язычники провозгласят свою веру самой верной, и правильно сделают. Потому как

---

⁷ *Sor lemahela haschar* (др. евр.) – возвратись певец к началу.

нельзя евреям считать себя единственными и величественными избранниками Божиими, ожидающими появления Машиаха, не верящими в способность постижения Божьего пути другими насельниками мира сего.

– Да что ты говоришь?! Ты в своём уме, мальчик? Какая муха тебя укусила? – слышались возмущённые восклицания спутников Иосифа.

– Не знаю, была ли это какая муха, – упрямо продолжал рассказывать мальчик. – Но я видел у жёлтого Силоамского источника множество искалеченных жизнью людей, в глазах которых не осталось ничего, кроме надежды. Только надежда помогает выжить человеку и надежда на Господа – вот всё, что у бедных калек осталось.

Даже надежда осталась уже не у всех. Толпы изувеченных, искалеченных, прокажённых, ищущих в Иерусалиме путь к исцелению, и просто стариков просили помощи, сострадания, протягивали худые искалеченные руки, заглядывали мутным неживым глазом мне в душу, но я ничем не мог помочь им. Сейчас не мог...

– Да кто тебе разрешит помогать несчастным, и где ты найдёшь для этого силы? – хмыкнул один из мужчин. – Лучше учился бы ремеслу своего отца и не создавал для нас неруко-творных забот.

– Вот жилище моего Отца, – мальчик указал на храм, откуда они только что вышли. – И только там я мог найти общение с Ним.

Воспалённый возглас мальчика прервался голосом ещё одного взрослого, разговаривавшего до тех пор чуть в стороне с матерью отрока. Женщина не мешала мужчинам, поучающим Иисуса, как будто знала, чем должно всё закончиться. Недаром же она с младенчества воспитывалась в храме, значит, знала те Божьи истины, о которых не всегда могут догадаться мужчины.

– Да будет радостным день ваш, – приветствовал собеседник Мицриам искателей потерявшегося Иисуса. – Я обратил внимание на мальчика ещё вчера, и ничего бы в храме с ним не случилось. Он стал мне даже более любопытен после того, как только что показал свои настоящие места фарисеям, и саддукеям. Такого не делал ещё никто. Устами младенца глаголет истина. А эти уважаемые люди давно заслуживают наказания за своё неверие, недоверие к другим и продажность. Я поговорил уже с Мицриам, она ничуть не против, чтобы мальчик воспитывался у нас, в нашей школе.

– А кто вы? – запоздало поинтересовался отец нашедшегося Иисуса. – Чему обучаете вы и имеете ли благословение от первосвященника?

– О себе я расскажу вам обязательно, но немного позже, потому что задерживаться возле храма сейчас не стоит, – мужчина указал на выходящих из дверей святилища оскорблённых фарисеев. – Поэтому прошу всех вас посетить нашу общину ессеев.⁸ Это недалеко отсюда, на полпути к Гефсиманскому саду.

– Вы не ответили, чему можно обучиться в вашей школе? – вдруг поинтересовался Иисус. – Надеюсь, не станете спрашивать, что такое алеф?⁹

– О нет, Иисус, – улыбнулся мужчина. – Меня зовут Закхей. Я владею божественной магией и наукой изучения человеческого сознания. Но уже сейчас во многом мне самому нужно учиться у тебя и объяснять что такое алеф, а не объявлять, что могу научить многому.

Послушай, Иисус, уже давно в наших землях люди почитают Иуду Галилеянина и Цаддока. Оба они ненавидели киттиев,¹⁰ старались освободить наши земли от римского владычества и прослыли освободителями не только среди zelотов.¹¹

---

⁸ Ашрам (др. Иран.) – внутренняя школа-интернат.

⁹ Алеф – первая буква еврейского алфавита

¹⁰ Киттии (арам.) – враги, римские завоеватели.

¹¹ Зелоты (арам.) – воинствующие евреи, политические противники Рима.

Даже фарисеи, саддукеи и последователи нашей общины называли их поступки мессинскими. И тот и другой были мешидами, то есть Машиахами. Ты же по отцу принадлежишь к роду Давида, а по матери к колену Аарона, поэтому ещё вчера в храме я понял, что ты и есть тот Сын Божий, который должен будет явиться в земле Обетованной, как сказано в Писании значит, твоё имя должно звучать как Бани Машиах! Ты в будущем должен будешь обязательно явиться в Иерусалим на белой ослице, как потомок первосвященника и Великого царя.¹²

– Но я не Бани Машиах, – возразил мальчик. – И почему я должен приехать в Иерусалим на осле?

– Так сказано в Писании, – терпеливо объяснил Закхей. – Когда наступит срок, ты должен явиться на праздник Пасхи в Иерусалим, но не пешком, не конным, а верхом на белой ослице, ибо так говорят пророки. И не забудь, Иеремия говорил, что Господь спрашивал у него: «Не сделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Моё?». ¹³

Ты должен соблюдать таинство, которое получишь у нас, а также не уклоняться от сказанного пророками.

– Но как народ Иерусалимский узнает о моём прибытии? – удивился Иисус. – Не буду же я подходить к каждому, и убеждать, что в моём лице наш Господь являет величие свое?

– Не печалься, ибо неисповедимы пути Господни, – Закхей для наглядности поднял обе руки вверх. – Всё будет происходить так, как предписано Богом. Но это не есть безысходность, к которой тебя приговорил Отец Небесный. Это подвиг во имя человечества, ибо ты должен совершить жертву за други своя. Множество разных религий на земле будут призывать человечество к вечной междоусобице и взаимному уничтожению. А вера в Тебя спасёт и объединит людей. Вот только сам ты не поддавайся ни на какие уговоры и соблазны, поскольку Отец верит в Тебя, если ты согласишься показать людям путь веры в Бога, путь любви, а не религиозного насилия и повсеместного обвинения в ересях.

– Я чувствую, учитель, что должен сделать это, – согласился Иисус. – Ничего в этом мире не происходит случайно. Значит, и я пришёл Сыном Человеческим, дабы желающие видеть, увидели малую толику Истины.

– Именно так, – кивнул Закхей. – Именно так. Но это ещё не всё. Третьим подтверждением от тебя как от Машиаха, потребуется восхваление Тебя всеми излеченными тобой, прозревшими слепыми, хромыми, получившими способность ходить и малыми детками, ибо в одном из псалмов Давида сказано: «Из уст младенцев и грудных детей ты устроил хвалу», а Книга мудрости Соломона добавляет, что мудрость открывает уста немым и даёт речь младенцам.¹⁴

– Но я не умею исцелять! – ошеломлённо пытался отговориться мальчик.

– Исцелений будет достаточно, – улыбнулся ессей. – Главное, чтобы ты всегда помнил своё предназначение. И ещё: мистерию познания и посвящения тебе предстоит изучить вместе со мной в ближайшее время. Это написано в книге откровений, об этом говорил Исайя и тебе, Иисус, предстоит познать структуру человеческого сознания, ибо в этом, и есть смысл существования Вселенной. Ибо сейчас в храме, обличая саддукеев и фарисеев, ты допустил несколько ошибок, которые могут сказаться и на твоей судьбе. А допускать ошибки среди веков несправедливо и неправильно, поскольку ни один из людей не прощает ошибок, пусть сделанных непреднамеренно. Поэтому тебе необходимо думать, о чём говоришь и говорить не всегда, о чём думаешь. Даже в этом есть определённый смысл жизни на земле и исполнение той цели, во имя которой ты живёшь. Я могу многому научить тебя, равно как научиться у тебя, что ещё неизвестно мне.

---

¹² schonfield, the passover Plot, с. 118–124.

¹³ (Иеремия, 7:11)

¹⁴ (Псалтирь, 8 1:2, Книга мудрости, 10:12)

– Неужели для этого надо куда-то ехать? – засомневался мальчик. – И где можно встретить ангельское откровение?

– О, во многих странах есть двери в потусторонние миры. Допустим, священный город в глубинах Тибета, между Индией и Китаем, – ответил Закхей. – Там, в храме города находится дверь в потусторонний мир. Именно там тебе предстоит познакомиться с Рудрой Чакрином, царём Шамбалы. Это тоже было предвещено пророками. Ведь только там можно познать жизненную силу этого мира. Туда со времён зарождения человечества стремились попасть многие, но не каждому дано войти в поток Божьей силы и уцелеть потом.

– А вход туда только один, но не для каждого? – предположил Иисус. – Что ж это за страна такая, где нет ни выхода, ни входа?

– Нет, ты не прав, – рассмеялся Закхей. – Ещё один вход в Шамбалу есть в Аркаиме, столице гиперборейского царства Десяти городов. Но нам незачем путешествовать так далеко. Хотя, после познания тибетских истин, всякая протяжённость расстояний исчезнет.

– Когда же мы отправимся на Тибет? – глаза у мальчика загорелись в предчувствии настоящего приключения. – Я уже хочу отправиться в такое путешествие.

– Ишь ты какой, – снова улыбнулся учитель Закхей. – Сразу подавай ему всё и как можно больше. Никогда не надо спешить, ведь только тот никуда не опаздывает, кто не спешит.

– Зачем мальчику куда-то ехать? – вмешалась Мицриам. – Я хочу навещать его во время учения.

– А вот обо всём этом мы и поговорим в общине, – согласно кивнул Закхей. – Идёмте, путь наш недолог.

Мальчик шагал по городу с мужчинами уже как равноправный, но не эти мысли будоражили его сейчас. Он понял через видимые страдания других, что должен всё-таки расстаться с тем Божественным блаженством, которым хотел поделиться со всеми и сразу. Прежде, чем делиться блаженством, надо научиться что-то терять.

Ничего не исчезнет бесследно, но необходимо понять дарованную Богом возможность общения с себе подобными. Тем более что рядом незримо следовала новая спутница, имя которой Человеческое Страдание. А, следуя рядом, эта женщина не уставала твердить мальчику, что не покинет его больше никогда и никуда не скроется.

Глава 3

– Вот тебе и раз! – притворно ахнула Анастасия Николаевна, отложила рукопись, села на диване и обхватила руками голову. – Мальчик, оказывается, действительно владеет какими-то криптографическими данными! Учитель неспроста приказал срочно ознакомиться с рукописью, предоставленной Ярославом.

И как отклик на её мысли прозвучал звонок телефона. Анастасия машинально взглянула на часы, висевшие на кухонной стенке в виде кошки с бегаящими глазами вслед за маятником, и поджала губы. Часы показывали половину четвёртого. В это утреннее время человека обычно посещают самые сладкие сны или виденья. Какой же поганец решился звонить даме и будить, рискуя получить от неё хорошую взбучку?

Анастасия Николаевна протянула руку, подцепила телефонную трубку и недовольным, даже сердитым голосом буркнула:

– Слушаю!!

Но в следующие несколько секунд озабоченные морщины на лбу женщины мгновенно разгладились, на губах появилась виноватая улыбка и несколько минут она внимательно слушала своего запозднившегося респондента. Потом сказала стандартное «До свидания» и нажала отбой.

Между двумя фразами: грубой, даже агрессивной «Слушаю!» и мягким растерянным «До свидания» состоялось что-то такое, что превратило злобную мегеру в кроткую и послушную овечку. Такую власть над женщиной имел только учитель. Именно он позвонил Анастасии, будто знал, что она не спит.

Несколько лет назад судьба свела студентку Настасью с блестящим во всех отношениях человеком. Учитель любил показываться на раутах в дорогом, отливающим матовым блеском сером костюме-тройке и за несколько минут умел очаровать собеседников блестящими знаниями чуть ли не по всем темам, интересующих нынешнее общество. Стоит ли удивляться, что мечтательница-студентка рассчитывала поймать в мутных людских потоках именно такую, уверенную в себе, надёжную акулу. Кто ж знал, что в расставленные ею сети она попадёт сама?

Герман Агеев – так звали её нового знакомого – пригласил девушку на танец и она, естественно, согласилась. Светский раут, на который попала Настасья, был организован в Доме журналистов по случаю какого-то то ли праздника, то ли очередной презентации. Девушка по случаю с удовольствием посещала такие вечеринки, благо это ни к чему не обязывало.

– Я с удивлением увидел, что вы сюда явились одна. Я не ошибаюсь? – спросил блестящий кавалер, кружа девушку в лёгком вальсе.

– Нет, вы не ошиблись. Я действительно одна, – улыбнулась Настасья. – Но вы ведь не поэтому меня пригласили танцевать?

– Похвально, – кивнул кавалер. – Вы проницательна. Я действительно пригласил вас не просто так. Дело в том, что мне нужна партнёрша.

– Кто?! – поперхнулась Настасья.

– Ах, не принимайте всё так превратно, – покровительственно усмехнулся мужчина. – Меня зовут Герман. Я здесь за тем, за чем и вы сюда пожаловали.

– То есть? – округлила глаза Настасья.

– Всё очень просто, – мужчина вдохнул, как будто перед прыжком в прорубь. – Всё очень просто. Я знаю, кого вы ищете. Одной иногда бывает невозможно справиться со всеми жизненными неурядицами. Вы – довольно много познавшая личность, несмотря на возраст. Вам необходим толчок, чтобы оторваться от земли и взлететь, но не хватает партнёра, то есть второго крыла, если хотите.

На лице девушки мигот отражались все посетившие голову мысли: это изначальное сомнение, потом анализ услышанного и безоговорочное согласие на предложенный вариант жизненного поведения.

– Вы, очевидно, психолог? – предположила девушка и впервые взглянула в глаза кандидату в партнёры. Взгляд этот был, вроде бы, мимолётен, но оставил в сознании девушки неприятное чувство падения в пропасть. Неприятное? Может быть и так. Только вслед за этим девушку захлестнула волна будущих побед и предложенного потенциальным партнёром взлёта на необычайную высоту.

Поскольку Герман ответил на её вопрос лишь лёгким наклоном головы, Настасья решила продолжить разговор:

– Знаете, я в первый раз встречаю такого самоуверенного мужчину. Ведь вы меня совсем не знаете, но думаете, что весь мой жизненный путь виден вам, словно цыганке, умеющей гадать по руке.

– Вы считаете, что я самоуверенный?

– Ну, может, и не самоуверенный, но уверенный – это точно, – засмушалась Настасья. – Мне бы вашу уверенность.

– Нет ничего легче, – пожал плечами Герман. – После сегодняшнего раута мне надо будет съездить ещё в одно интересное место. Хотите составить мне компанию?

– А что за место? – любопытствовала Настасья. – Секрет?

– У меня нет никаких секретов, тем более от таких красивых как вы девушек, – галантно улыбнулся её кавалер. – Я еду на мистерию посвящения одной девушки, которая также хочет стать влиятельной особой, побеждать и дарить победу избранным. Хотите?

– Да уж, дилемма, – отметила вслух Настасья. – Если не соглашусь, то не увижу чего-то довольно интересного и полезного для меня. Ведь так?

– Я уже говорил, что вы довольно проницательны.

– Ну, хорошо, – кивнула Настасья. – Наверное, я согласна. Только что за общество там будет?

– О! Самое изысканное! Не сомневайтесь, – успокаивающе сообщил Герман. – Надеюсь, вы мне верите?

– Пожалуй, верю, – подтвердила Настасья. – Да, что там! Конечно верю. Ведь такой мужчина не может повести девушку в какую-то дыру. Правда?

– Безусловно! За это мы и выпьем.

– Но я уже выпила сегодня шампанского, – пыталась отбояриться девушка. – Может быть не надо?

– Нет. Обязательно надо. Ведь я не прошу вас подписать со мной договор на посещение чего-то неизвестного, не продаю вам билеты на какой-то неизвестный спектакль, не тащу вас туда насильно. Значит, надо наше будущее приключение обмыть лёгким шампанским, причём, на брудершафт! Не возражаете? Вот и отлично.

Герман повёл девушку к фуршетному столу, подхватил два бокала уже разлитого шампанского и подал один Настасье. Девушке вдруг ужасно захотелось от всего отказаться, никуда не ехать и остаться здесь, среди журналистской братии. Но не выпить на брудершафт с мужчиной, который явно ей понравился, Настасья не могла. Это было выше её сил.

Руки их сплелись, шампанское ударило в нос своей игривостью и девушка увидела совсем рядом лицо наклонившегося к ней мужчины. Где-то ещё играла музыка, пары продолжали дотанцовывать вальс, а Настасья слилась с мужчиной страстным поцелуем и, казалось, что это никогда не кончится. Во всяком случае, так захотелось девушке. Но поцелуй всё-таки кончился. Настасья снова увидела глаза Германа и чуть не потеряла сознание.

Очнулась она уже в такси. Герман сидел рядом, полуобняв девушку, а та от этого получала такое блаженство, о котором, похоже, мечтала всю свою сознательную жизнь. Мысли о том,

что эта авантюрная поездка может закончиться не так уж хорошо, как пыталась внушить себе Настасья, витали где-то на грани реального разума и чувственной сущности девушки. Но она лениво отмахивалась от них, будто от надоедливых мух.

Это состояние сомнамбулы было ещё не знакомо. Настасья пыталась даже посмотреть на мелькающие за окном машины городские дома и как-то встряхнуться, но блаженное состояние куколки, закутанной в нежные шёлковые сети, не оставляло ни на секунду.

Москва кончилась. За окном мелькали тёмные в этот сумеречный час, кусты и придорожная лесопосадка. Такси свернуло на грунтовую дорогу, и через какое-то время впереди показался большой особняк. За ним опять начиналась асфальтовая дорога меж таких же фешенебельных двух-трёхэтажных особняков нынешнего Подмосковья. Это был крайний дом какого-то дачного кооператива. Возле него, словно на коновязи, стояло полтора десятка железный коней всех мастей и окрасов.

– Ну, вот, мы уже прибыли, – Герман покосился на спутницу, прикорнувшую у него на плече.

– Ага, – отозвалась Настасья.

Как входили в дом и как встречали их похожие на слуг мужчины в строгих чёрных пиджаках, чёрных рубашках и таких же галстуках, девушка помнила плохо. Отметила только, что вся эта «чёрная гвардия» несла с собой ауру отрицательной энергии – это Настасья чувствовала остро и той непредсказуемой частицей своего сознания, которую не обмануть никакими ухищрениями и какую иногда называют интуицией. Впрочем, Настасья тогда ещё не умела сортировать биологическую энергию человека, определять её плохие и хорошие стороны. Просто после двух-трёх слов, произнесённых мужчинами, у девушки во рту возник вкус горькой оскомины, будто она успела разгрызть яблоко, и вместе с кусочком яблока на язык попал кусочек откушенной гусеницы.

Но именно это чувство сыграло немаловажную роль пробуждения от гипнотического транса. Девушка огляделась более осмысленным взглядом и отметила, что в доме собралось довольно пёстрое общество. В большой гостиной с дорическими колоннами можно было увидеть студентов с девушками в потёртых, но приличных даже для театров джинсах. Сухих государственных чиновников с помятыми лицами, привыкших повторять «не положено», и разодетых в смокинги господ с аванжными дамами в дорогих вечерних платьях.

– Вижу, ты заинтересовалась приехавшими сюда гостями, – обратился к ней Герман. – Здесь ты познакомишься с влиятельными людьми, согласишься, как делается настоящая жизнь, политика и научишься развлекаться.

– Ага, – отметила про себя Настасья. – Мы уже на «ты». Впрочем, был брудершафт. Вероятно, после этого в высших кругах положено дружеское общение.

Попутно она взглянула на себя как бы со стороны: неприметная, ничем особым не выделяющаяся девушка, но опрятно и даже с определённым шармом одетая в брючный костюм с кружевной жилеткой. Это всё-таки выглядит несколько лучше, чем у присутствующей здесь заджинсованной молодёжи.

Гостиная, где собралось общество, не походила на стандартный концертный зал. Хотя кое-где возле стен были расставлены обитые китайским шёлком кресла из карельской берёзы. Там же находились фуршетные столики, на которых стояли большие фарфоровые блюда с различными экзотическими фруктами, а центр каждого столика был украшен бокалами с красным и белым вином.

– Праздник продолжается? – кивнула Настасья на угощение для гостей. – Похоже, наша жизнь превращается в сплошной праздник?

– Очень рад, что ты сама это заметила, – улыбнулся Герман сухими губами. – От предоставленной нам жизни нужно брать всё, что только возможно и никогда не отказывать себе в бокале вина, будоражащим мысль и разгоняющим кровь.

В это время на импровизированной сцене появилась группа музыкантов и под сводами зала разлились звуки «Весеннего вальса» Фредерика Шопена. Меж колоннами сразу же закружились пары приглашённых сюда гостей, и Настасья совсем по-девичьи улыбнулась:

– Как здорово! Здесь, оказывается, не такое уж плохое общество. Спасибо, что привезли меня сюда.

– Мы уже снова на «вы»? – делано нахмурился Герман.

– Ах, да, – махнула девушка рукой. – Я как-то не успела ещё перестроиться и привыкнуть.

– К хорошему привыкаешь быстро, – успокоил кавалер. – Потанцуем?

Герман Агеев оказался настоящим галантным и чутким кавалером. Головка девушки закружилась не только от танца, но и от упоительной близости партнёра. Настасья отдавалась танцу всей душой, желая полностью вкусить ещё не испытанные радости существования.

– Часто здесь устраиваются такие балы? – поинтересовалась она.

– Не только балы, друг мой, – ответил Герман. – Здесь случаются очень неожиданные превращения, одно из которых произойдёт сегодня.

– Сегодня? Прямо здесь?

– Нет, не в этом зале, – уточнил Герман. – В этой гостиной иногда разыгрываются спектакли. И, поверьте, представления бывают не хуже, чем в Большом театре. Иногда, как сегодня, лёгкие презентационные балы в честь новых членов нашего общества. Иногда проходят простые деловые собрания. В общем, гостиная этого дома может функционировать по разным направлениям и заботам человеческого общества.

– Так сегодня кого-то будут принимать в какое-то общество? Я правильно поняла?

– Правильно, – кивнул Герман. – Но не в какое-то общество, а в одну из самых древних ветвей масонства ложу «Розенкрейцеров».

– Ух ты! – глаза Настасьи вспыхнули огоньками любопытства. – А мне можно будет посмотреть?

– Конечно. Мы для этого и приехали.

Весёлые ноты романтической музыки ещё некоторое время развлекали присутствующих, но вскоре церковный колокол зазвонил где-то далеко, возвещая наступление полночи. Или это, может быть, какие-то часы в доме настроены были под звуки колокольного благовеста, но это было слышно всем. Музыка сразу смолкла, и гости принялись расходиться по соседним комнатам.

– А как же мистерия посвящения? – с обидой в голосе спросила Настасья. – Вы же обещали!

– Я всегда стараюсь держать обещание, – хищно улыбнулся Герман. – Гости расходятся, чтобы подготовиться к мистерии. И мы тоже сейчас пойдём готовиться.

Партнёр вывел Настасью за руку из гостиной, провёл по полутёмному коридору и втолкнул в маленькую комнатку. Закрыв за собой дверь, он повернулся к девушке лицом и произнёс:

– Каждый член нашего общества получает доступ к огромным энергиям управления миром. Это и биологическая энергия жизнеобеспечения, и энергия власти, из-за которой идут вековые споры и совершаются преступления, это и энергия проникновения в параллельные миры и пространства, это и секрет долголетия, это и дар подчинения других, это и всепроникающий взгляд...

Я мог бы долго перечислять тебе те возможности, которыми ты овладеешь в нашем ордене, но лучше тебе самой всё попробовать, как говорится, потрогать и выбрать то, к чему предрасположена душа.

– Я?! – вскричала девушка. – Почему я? Какое вступление? В какой орден? Мне жить ещё не надоело!

– Сейчас в подвальной гостиной этого дома состоится мистерия посвящения в орден Розенкрейцеров, – терпеливо принялся объяснять Герман. – Ты примешь сегодня посвящение в орден, потому что уже дала на это согласие. И, признаться, я давно уже ищу такую ученицу.

– Когда я давала согласие?! – взъерепенилась Настасья. – Согласие – это непротивление двух сторон друг другу. Так? А я никому не давала согласия!

– Как же, как же, – ухмыльнулся Герман. – А брудершафт со мной? Или, хочешь сказать, ничего не было?

– Брудершафт..., – растерялась девушка.

– Именно так, – кивнул её партнёр. – Именно так! Если бы ты не захотела поближе познакомиться со мной, то никогда бы не согласилась так вот запросто на заманчивые предложения незнакомого мужчины.

– Ну и что! – пыталась отбиваться Настасья. – Любая девушка склонна к уговорам. В старину говорили даже, что девушка любит ушами. Откуда я могла знать, что все твои уговоры – это блеф?!

– Да ладно тебе, – Герман полюбил девушку за талию и притянул к себе. – Мне кажется, не хватает второго поцелуя...

Мужчина впился хищными тонкими губами в чувственный ротик девушки, и у той опять закружилась голова от потоков всеобъемлющей радости. Этот удивительный водоворот уносил все сомнения, страхи и возражения. Настасье уже казалось, что сама судьба соединила её на мгновение с настоящим мужчиной, чтобы тот успел и сумел обучить партнёршу тайным знаниями, к секретам которых допускается не каждый.

Всё происходящее уже не казалось ей таким страшным и необычным. Мистерии, она знала это, существуют в каждом серьёзном деле. Например, когда совершается мистерия воинской присяги, то посвящённые даже обязаны поцеловать знамя, опустившись на одно колено. А про масонов она давно уже слыхала. Только мало что удалось узнать толком, но помог голливудский фильм «Сокровище нации», где масонская Америка претендовала на баснословные сокровища царя Соломона. Конечно, настоящая история, наверное, выглядела немножечко по-иному, но именно так и пишется «настоящая» история. Юные американцы давно уже верят, что в Средние века тамплиеры завозили иудейское золото и прятали для будущего государства Соединённых Штатов, а назад в Европу вывозили золото ацтеков. Достаточно будет спросить у любого американского школьника: кто победил Гитлера во Второй Мировой войне. И любой ребёнок честно ответит, что Россия попросила могущественную Америку помочь ей в борьбе с фашистами. Конечно же, Дуайт Эйзенхауэр оказал союзникам неоценимую услугу и начисто разбил фашистские войска, на что хваленая российская армия оказалась не способна. Вот такая нынешняя история в Америке.

Масоны же – мощная и финансово обеспеченная организация, способная на великие дела во многих странах нашей планеты. И что масоны живут на широкую ногу – Настасья сегодня убедилась сама. Ведь в нашем государстве никто не станет устраивать такие вечеринки! Девушка была на многих доступных презентациях и праздничных вечерах, но такого обилия угощений, весёлой музыки и тёплых улыбок не видела нигде.

– Свой брючный костюм оставь лучше здесь, – посоветовал Герман. – На мистерию лучше одеть вот это.

Агеев достал из объёмного шкафа какую-то хламиду и бросил перед Настасьей на широкую двуспальную кровать. «Хламидой» девушка окрестила предложенную ей сутану, но не из грубого сукна, а из тонкого полупрозрачного батиста. Сшитая по примеру католических сутан, эта отличалась лишь светло-серым цветом вместо коричневого и тонким богатым материалом. Девушка даже пощупала подол сутаны и пожала плечами. Но пожала так неуверенно, что смахивало на полную капитуляцию, то есть на безоговорочное согласие.

И действительно, Настасья оглянулась на Германа, который подойдя к столу, налил себе виноградный сок из стоявшего там хрустального графина, и принялась снимать с себя собственную одежду. Но вешать в шкаф брючный костюм девушка не захотела, просто развела одежду на стуле, стоявшем у стены.

Хламида или сутана показалась девушке очень даже неплохим одеянием. Тем более, что к этой незатейливой одежде прилагался плетённый кожаный ремешок. Настасья затянула ремешок под грудью, отчего сутана приняла форму довольно элегантного женского платья, какие были модны в светских салонах в начале девятнадцатого века. Подойдя к зеркалу, стоящему тут же у стены, девушка принялась разглядывать себя и даже попыталась вертеться, по примеру настоящей модницы.

Её телодвижения вызвали бурные аплодисменты у присутствующей публики, то есть у Германа, который давно уже с улыбкой наблюдал за преобразившейся девушкой. Настасья грациозно склонила голову на бок, давая этим понять, что принимает восхищение поклонников.

– Нам осталась самая малость, – вернул её Герман к действительности. – Насколько я знаю, ты любишь называть себя Настасьей. Так? Может быть, для тебя это до сих пор было нормально, только с сегодняшнего дня ты для меня и для всех станешь Анастасией.

– Почему? – удивилась девушка. – Я люблю своё имя. Оно необычное и настоящее русское.

– Да, но Анастасия – гораздо более светское и распространённое на Западе.

– Ну и что? – упрямилась Настасья. – По-русски моё имя звучит привычнее. Почему я должна изменять своим привычкам?

– Не изменять, а исправлять как того требует этика поведения, – наставительно объяснил ей Герман. – Иногда приходится принимать то, что утверждено обществом и что не противоречит рамкам приличия.

– Вот как?! Моё имя звучит неприлично?

– Прилично, прилично, – снова пытался объяснить Герман. – Только нельзя нарушать общепринятые рамки. А по европейским канонам имя Анастасия не окажется какой-то неблагозвучностью.

– Вот как?! – возразила Настасья. – По-моему...

Веские возражения Настасьи так и остались неслышанными, поскольку Герману Агееву надоело впустую полемизировать молодой да ранней ученицей. Он попросту поднял правую руку ладонью наружу, подошёл к девушке и вычертил в воздухе у лица девушки какой-то знак. Потом, не отрывая от неё пронзительного взгляда, он тихо, но довольно внятно произнёс:

– Тебя всегда звали Анастасией. Это имя тебе нравится...

Герман резко опустил руку, встряхнул кистью и снова спросил:

– Как тебя зовут?

– Анастасия, – отозвалась девушка. – Это имя мне нравится...

Агеев удовлетворённо кивнул, подошёл к столу и снова налил себе виноградного сока. Анастасия же так и осталась стоять, устремив куда-то в запредельное пространство затуманенный взгляд. Герман оглянулся, и тонкая усмешка тронула его тонкие губы.

– Вот и хорошо. Сейчас мы спустимся в подвальное святилище, где ты пройдёшь мистерию посвящения.

– Я пройду мистерию посвящения, – послушно отозвалась девушка.

Агеев снова благосклонно склонил голову и взмахнул рукой в сторону двери:

– Всё хорошо. Только повторять за мной слова не надо. Мы выйдем в эту дверь и в конце коридора спустимся по винтовой лестнице.

Девушка молча направилась к двери, которую Агеев как услужливый кавалер предупредительно распахнул перед ней. Выйдя из комнаты следом, Герман догнал неофитку, взял под руку и повёл к винтовой лестнице, по которой присутствующие гости уже спускались в под-

земное капище. Надо сказать, что все гости успели переодеться так же как и Анастасия с Германом в храмовые сутаны.

Все спускались, деловито хмурясь, будто стремились создать впечатление всеобщей озабоченности.

Анастасия видела всех и всё, слышала мимолётные разговоры гостей, но всё происходящее не казалось ей чем-то необычным. На какое-то мгновение девушке показалось, будто бы она давно уже ходит сюда, что будущая мистерия – это священный праздник преобразования человека. Если ей предназначено пройти это посвящение, то всенепременнейше в будущем она станет... нет, не суперменом, не терминатором. Это уже старо, как мир. В будущей, скорее всего, ей предстоит стать супербандершой! Слово это само нырнуло в сознание откуда-то из-под пространства. Но оно не показалось Анастасии чем-то неприличным. Наоборот! Супербандерша – это предводитель отборных боевиков, имя которых – легион!

Да, именно так!

Полуподвальное помещение дома, где проходили масонские сборища, было оформлено под храм какой-то необыкновенной религии: на стенах во многих местах виднелись фрески пирамид, но вершину каждой пирамиды украшал треугольник с вписанным в него человеческим глазом. Это, наверное, означало, что скрыться от масонского всевидящего взора невозможно. Собственно, такая же египетская пирамида и треугольник с недремлющим оком был изображён на обратной стороне американского доллара.

Фрески с пирамидами оказались не единственными украшениями стен капища. Еще в нескольких местах были рисунки Валета из колоды карт с буквой «V» в левом верхнем углу. Но верхняя часть Валета показывала указующим перстом в небо, тогда как нижняя – вниз, в землю. А надпись под картой гласила: помни, что наверху, то и внизу!

Из всех изображений, хаотично разбросанных по стенам, наиболее любопытной показалась лепнина на потолке, где была изображена змея, свернувшаяся кольцом и кусающая сама себя за хвост. Эта лепнина, как и остальные фрески, рисунки, изображения вроде бы ничего особенного собой не представляла, но каждая из них таила символический смысл существующего мира. Ведь ещё древние говорили: любые используемые нами символы – это знаки заповедного мира. А символические символы здешнего капища оставляли в сознании посетителя волну безотчётного страха.

Но самую высокую степень напряжённости в полуподвале создавала статуя Бафомета. Внешне статуя ничем не напоминала что-то страшное или угнетающее. Вот только лицо его было похоже на перевёрнутую пятиконечную звезду: верх головы украшали прямые рожки, равнозначные по размеру с рогами уши статуи были покрыты редким волосным покровом и имели несколько наколок в виде иероглифов, а завершала лик острая козлиная борода. Вдобавок к пятиконечной фурнитуре на лице статуи присутствовали тонкие искривлённые губы и нос с горбинкой. Но больше всего зрителя поражали маленькие колющие глаза Бафомета. Один раз, взглянув в эти глаза, человек чувствовал себя будто возле стенки на расстреле, а из двух чёрных стволов вот-вот должен был вырваться огонь залпа.

Бафомет сидел на троне, который возвышался перед жертвенником. Но самым любопытным Анастасии показалось, что жертвенник окружала ограда из перевёрнутых вверх ногами православных крестов с чередующимися меж ними паукообразными свастиками.

– Это точная копия Бафомета, находившегося в Парижском замке Тампль до того, как Филипп Красивый отправил на костёр Жака де Моле, – негромко пояснил Герман Агеев.

Анастасию пробрала неприятная дрожь:

– Но ведь тамплиеры поклонялись Сатане?! Значит...

– ...значит перед тобой статуя Денницы, то есть проклятого аггела. Но не надо его так бояться, – Герман успокаивающе погладил девушку по спине. – Его издревле называют Князем мира сего. Выходит, мы давно живём в аду, и никто против этого возражений не имеет. Но о

проклятии Денницы тоже никто ничего толком не знает. Ведь Господь попросту уничтожил бы восставшего ангела – и дело с концом. Так ведь Бог низвергнул Денницу на Землю, где он стал аггелом, то есть диаметрально противоположной ангелам силе. Он царствует здесь и по велению Вседержителя готовит человеку соблазны, рогатки, препятствия. Если человек с ранних лет не научится решать жизненные проблемы, то кому он нужен будет там, в раю? Так что нечего бояться Бафомета. В этом мире у каждого своя роль и предназначение.

– И что меня ожидает? – напряжённо спросила Анастасия. – Какая моя роль в этой мистереии жизни?

– Ты должна прислушиваться к советам сильных мира сего и выбирать то, что близко твоему ментальному состоянию, – Агеев сделал театральную паузу и продолжил. – Если человек обязан стать личностью за время, отпущенное ему в этой жизни, то всегда необходимо оглядываться на основные истины, которые послужили прекрасным толчком для взлёта не одной тысячи твоих предшественников. Человек свободен выбирать по своей воле, ибо он подобен Богу. Весь вопрос в том, сможет ли он выбрать правильный путь, чтобы в конце стать настоящим творцом?!

– Что же для этого нужно?

– В первую очередь нужно не изобретать велосипед.

– Что?!! – ахнула Анастасия. – Какой велосипед?

– Ну, тихо, тихо, – успокоил её Агеев. – Велосипед – это стандартное образное понятие бытия, а именно: не придумывай того, что давно известно людям. Поступай так, как, скажем, тот же учёный, пишущий диссертацию. Для новой диссертации нужна хорошая интересная тема. Но обязательно, даже необходимо изучить труды уже состоявшихся профессоров, собрать крупицы своей темы и развить до такого уровня, чтобы твой труд поразил всех своей проницательностью, новизной и актуальностью для нынешней жизни. Поняла?

Анастасия неуверенно кивнула и поглядела Герману в глаза. Девушка всегда так поступала, когда хотела узнать: говорит ли её собеседник правду или всё высказанное является дешёвым словоблудием. Но глаза мужчины в полумраке капища показались Анастасии бездонными провалами, на дне которых проскальзывали огненные искорки, будто мгновенные вспышки комет в густом ночном небе.

Но пустота эта так заворожала девушку, что она уже не могла отвести глаз и стояла так, словно кролик, готовый заползти в пасть удаву по первому шипящему зову хозяина. Губы Германа тронула чуть заметная усмешка. Он взял девушку за руку и повёл к жертвеннику. Из-за статуи Бафомета показался ещё один мужчина, в руках у которого был большой белый петух. Владелец петуха посадил птицу на специальную жёрдочку возле жертвенника и подошёл к Анастасии. Девушка оказалась между мужчинами. Они повернули неофитку лицом к присутствующим гостям. У каждого из них к этому времени в руках уже были зажжённые свечи. Мужчины рывком разорвали хламиду на девушке, и она предстала пред всеми в обнажённом виде, но ни вскрикнула, ни попыталась закрыть грудь руками, как это интуитивно делают женщины. Наоборот. Девушка внутренне уже давно согласилась на мистерию, поэтому всё, что делают с ней мужчины, казалось ей в рамках дозволенного и священного. А те деловито приподняли девушку, положили её спиной на жертвенник, и Анастасия увидела над собой петуха, послушно сидящего на жёрдочке, а дальше за ним, ближе к потолку, физиономию Бафомета с крючковатым носом. Девушке даже показалось, что это никакая не статуя, а человек. Живой человек. И у этого живого на кончике носа зависла капля, готовая сорваться неофитке прямо на лицо. Мурашки отвращения пробежали по её телу и девушка попыталась передвинуться на жертвеннике, отползти подальше от сопливого аггела, но тут только обнаружила, что накрепко прикована к жертвеннику ногами и руками.

– Отец наш, великий и милостивый! – голос Германа прозвучал под сводами подвала, как раскаты далёкого грома. – Очисти душу мою, благослови недостойного раба твоего и про-

стри всемогущую руку твою на души непокорных, дабы я мог дать свидетельство всеилия твоего...¹⁵

Он взял правой рукой с аналая, стоящего рядом с жертвенником, золотую пентаграмму, поднял её над головой за один конец, так что звезда повторила абрис Бафомета и продолжил:

– Вот знак, к которому я прикасаюсь. Вот я, опирающийся на помощь тёмных сил, вот я – провидящий и неустрашимый. Вот я – могучий – призываю вас и заклинаю. Явитесь мне послушные, – во имя Айе, Сарайе, Айе, Сарайе...

Герман опять на минуту замолчал. Видимо пользоваться театральной паузой было для него не в новинку. Присутствующие, скорее всего, не раз уже видели мистерию посвящения, но всё же по их рядам прокатилась волна подбострастного шёпота:

– О, Люцифер!.. Аморуль!.. О, владыка!..

– Во имя всемогущего и вечного, – продолжил Агеев. – Аморуль, Танеха, Рабур, Латистен. Во имя истинного и вечного Элои, Рабур, Археима, заклинаю вас и призываю... Именем звезды, которая есть солнце, вот этим знаком, славным и грозным, именем владыки истинного Бафомета!

Вдруг по залу пронёсся вихрь подземного сквозняка. Свечки в руках многих присутствующих погасли, только факелы ещё продолжали пытаться, вставленные в закреплённые на стенах кольца, да не потух огонь в двух чашах, стоящих по одесную и ошуюю инфернального божества.

– С вами Бараланиенсис, Балдахуиенсис, Паумахийе, – голос Германа превратился в рык, и уже казалось странным, что зверь произносит человечески слова. – С вами сила их и свет невидимый. В этом мире, в инфернальной видимости, в невозможной суете, ненаписанным именем под гласом изувера Иеговы, под звуком которого содрогается планета, мельчают реки, испаряется море, гаснет пламя, и всё в природе познаёт расщепление, говорю: да будет так.

В это время взлетел петух, будто кто спугнул его с насеста. Неизвестно куда хотела улететь птица, но в воздухе просвистели два обоюдоострых меча. Это Герман Агеев и его помощник разрубили петуха с двух сторон, и дёргающиеся останки птицы упали на тело неофитки.

Анастасия истошно завизжала. Она то ли не на шутку испугалась, то ли с детства не переносила вида крови. Во всяком случае, инстинкт самосохранения сработал вовремя – девушка потеряла сознание. Мужчины же окунули в останки петуха руки и нарисовали кровью несколько знаков на теле неофитки. Затем кровью испачкали ей обе щеки, лоб и губы.

В зале снова прокатился шёпот:

– Посвящена... посвящена...

Герман снял с новообращённой оковы, взял девушку на руки и отнёс в комнату, где Анастасия переодевалась. Потом пошёл в прилегающую к комнате ванную, вымыл руки и переоделся в обычную одежду. Из комнаты послышался стон. Герман выглянул из ванной и увидел, что Анастасия уже очнулась. Он намочил большое махровое полотенце и пошёл к девушке.

– Поздравляю красавица, – приветливо улыбнулся он. – Всё прошло в лучшем виде.

---

¹⁵ Здесь и далее: заимствовано из подлинных источников.

Глава 4

От раскалённых под солнцем Иудейской пустыни камней поднимались струи горячего воздуха, зачастую закручиваясь в невообразимые спирали, будто всплески Сибирской пурги на Крещенские морозы. От таких видений, да и от спёртого воздуха, когда нечем дышать, когда дыхательная система перекрывается удушливыми тромбами, с ума свихнётся любой бедуин, а не только прибывший завоёвывать Палестину хилый россиянин. Шимон с усмешкой следил за страданиями изнывающего от жары москвича Ярослава Кузнецова и радовался, что земля Обетованная приняла его самого, как родного в отличие от русского приятеля. Во всяком случае, Шимон ничуть не страдал от перегрева на солнышке и от болезненной одышки.

Илона, тоже бывшая россиянка по её словам, и даже коренная москвичка, сама сидела за рулём «джипа», истаскавшегося по Палестинским пустыням в поисках археологических ценностей. Нельзя сказать, что археологические находки нужны были именно «джипу». Скорее всего, это было хотение хозяев машины, многочисленных работников Иерусалимского исторического института. Во всяком случае, Илона «пришпоривала» машину, как заядлый ковбой американских прерий. Видимо, такая погода пришлась по вкусу бывшей москвичке, и она чувствовала себя, как рыба в воде.

Собственно, Шимон тоже до недавнего времени считался россиянином. Вот только с ума сошедшие родители как-то раз решили отправиться на покорение исторической родины. Юноша был уже довольно взрослым и мог остаться в России, но тяга к новым приключениям, страсть по неизведанным землям и простое стремление найти что-то получше, чем есть сейчас, сыграла свою роль. Поэтому Шимон почти не задумываясь, согласился сопровождать родителей и переселился вместе с ними на родину своих предков.

Но родина родиной, а жить на что-то надо! Шимон потыкался по Тель-Авиву и Хайфе в поисках работы, потом перекочевал в Иерусалим. Там Шимон попытался устроиться в простой хедер,¹⁶ но всё безрезультатно. Его как историка и археолога принимали с большой настороженностью, тем более, что образование он получил в Москве. Многие из «коренных» израильтян тоже были выходцами из ненавистой России, но никогда и ни кому не признались бы в этом даже за сто шекелей или за калач с маком в голодный год.

Родители Шимона обосновались в Тель-Авиве и получали государственный пенсион, как перенёсшие холокост или фашистский геноцид во время Второй Мировой, а их ребёнок так и оставался не у дел. Но даже полагающийся пенсион родителям Шимона не получить бы вовек, не помоги им профессор Университета Востоковедения в Хайфе господин Меделак. Можно было, конечно, потревожить профессора, но Шимон вторично за помощью к родственнику обращаться не хотел и рассчитывал сам выпутаться из сложившейся ситуации.

Почти во всех ресторанах и кофейнях юношу бесплатно кормили, когда владельцы общепита узнавали, что посетитель – беженец из России. Так долго продолжаться не могло. Только вот специалисты, тем более историки, были сейчас никому не нужны. Собственно, выход есть всегда и не один: можно, например, устроиться на работу посудомойщиком или уборщиком в какой-нибудь ресторан, но и только. Работы ни для кого нигде не было. Разве что самой востребованной профессией была в земле Обетованной проституция, но Шимона пока что тошнило от всех видов предлагаемой работы по этому статусу.

И всё же Господь никогда не даёт того, что не в силах унести, как говорят в России. Столовая Центрального Исторического Университета в Иерусалиме чем-то напоминала московские общепитовские «едадьни» в пережитом советском прошлом. Скорее всего, воспоминания навевались аппетитным кухонным запахом и хорошей студенческой ценой на незатей-

---

¹⁶ Хедер (евр.) – еврейская религиозная начальная школа.

ливо приготовленную пищу. Шимона как раз цена в данный момент устраивала больше всего, потому что наличности в кошельке не прибавлялось и болезненное сознание начинало раздувать огонь незатухающей депрессии.

Тут к нему за столик подседа не очень шикарная и вполне миловидная девушка, телесные формы которой послужили бы, вероятно, для украшения страниц какого-нибудь модельного женского журнала. Только важно было не это. Важным оказалось то, с каким вопросом и как обратилась девушка к юноше, уже поглощающему за столом добытую порцию еды!

– Простите, у вас не занято? – спросила она на чистом русском и где-то даже с московским акцентом.

Шимон от неожиданности поперхнулся. Потом откашлявшись и запив всё спасительной минералкой, он выдал:

– Ни фиги себе! Ой... конечно садитесь. Столик свободен, как и я, впрочем. Но вы, насколько я понимаю, тоже из Москвы?

Девушка утвердительно кивнула, уселась напротив и с интересом взглянула на соседа. Наверное, она и не думала встретить здесь в палестинском пекле никого из покинутой забываемой родины.

– Простите, что я пристаю к вам с вопросами, – снова отважился на беседу Шимон. – Но я здесь уже больше года и не встречал никого, говорящего по-русски.

– Так прямо и никого? – недоверчиво усмехнулась девушка. – По-моему, три четверти израильского населения – выходцы из Жмеринки, как та же Голда Мейер.

– Может быть и так, не пересчитывал. Однако здесь все стараются навсегда забыть русский язык и не поминать его при общении. А вы давно из Москвы? И надолго ли?

– Не очень давно, – призналась девушка. – Во всяком случае, ещё не стараюсь отвыкнуть от русского языка.

– Это заметно.

– Но я приехала по вызову. У меня дядя работает в этом университете и заочно договорился о моём трудоустройстве на кафедре археологии. Я специалист по древнееврейскому и арамейскому языкам.

– Выходит, в Иерусалиме даже специалистов не нашлось, – глубокомысленно заключил Шимон. – Все, у кого ещё осталось серое вещество в голове, либо вернулись в Россию, либо зарабатывают золотой кусок хлеба в каком-нибудь из американских штатов. А здесь только торговля бытом и торговля телом.

– Значит, вы торгуете бытом? – язвительно поинтересовалась девушка. – Потому что для второго вида занятий нужно иметь другой статус хотя бы по одежде.

Шимон опять поперхнулся и одновременно отметил, что его собеседнице палец в рот не клади, откусит. С другой стороны он, хоть и еврей, но рождён был в России. А это значило, что любой русский любит знакомиться с умными девушками. Вот только заводить любовные романы с умницами опасно. Умные женщины чаще опасны, чем полезны. Впрочем, чем чёрт не шутит, когда Господь почивает?!

– Это хорошо, что вы обладаете наблюдательностью, – опять попивая минералку, отметил юноша. – Вот только не пойму, неужели я выгляжу как заправский московский бомж? Неужели не сойду за гламурного мальчика по вызову? Или за простого охотника-сердцееда?

– Успокойтесь, до московских бомжей вам ещё далеко, – улыбнулась девушка. – Но очередную экипировку произвести не мешало бы, если желаете походить на мальчика по вызову.

– Учту, – кивнул Шимон. – И сразу же приоденусь, когда появятся деньги.

– Проблема с работой?

– Как это ни тривиально, но факт – не реклама. Мне родители обещали золотые горы на исторической родине. Только здесь кроме раскалённого солнца и еврейской чопорности ничего

нет. А еврейская чопорность испокон веков любым англичанам на сто очков вперёд фору даст. Хотя легенды о богатстве еврейского государства гуляют из года в год по всем странам.

– Постойте-ка, – оживилась девушка. – Вы, я полагаю, в университете оказались не случайно. Так? Приходили предлагать свои услуги. Так? Значит, вы, по меньшей мере, историк. Так?

– Так, согласился Шимон. – Историк, да ещё со стажем, да ещё археолог к тому же. Но здешний ректорат очень осторожно и вежливо обещает рассмотреть моё резюме, обсудить кандидатуру на каком-то ихнем совете. Лишь потом, вполне вероятно, мне предложат что-нибудь подходящее, если будет свободное рабочее место. Но до тех пор беспокоить и справляться о грядущем решении не рекомендуется. Вот и весь сказ.

– Археолог вы говорите? – сдвинула брови девушка. – Вот это да! Может быть, вам меня или мне вас сам Бог послал!

– Что вы такое говорите? – не понял Шимон.

– Подождите, – нетерпеливо перебила собеседника девушка. – Вы когда-нибудь слышали о Кумранских рукописях?

– Безусловно, – пожал плечами Шимон. – В 1947 году пастух-бедуин Мохаммед ад-Диб пас коз в предгорьях недалеко от Мёртвого моря. Известно, что те места – это сейсмически активная зона, хотя и с небольшой магнитудой колебания. Так вот, либо по тамошним пещерам до этого времени никто не лазил, либо входы открылись после очередного землетрясения. Только козы любят шастать по пещерам. А пастух, чтобы выгнать своих коз наружу, просто бросил в один такой пещерный провал камень. Капризные животные выбрались, но звук от брошенного камня поразил пастуха. Это было похоже на звук лопнувшего кувшина. Бедуин, конечно же, сам забрался в провал и обнаружил там с десятков амфор, запечатанных сургучом и смолой ливанского кедра. Из внутренностей уже разбитой амфоры он вытряхнул древние, но целые и читабельные манускрипты. Некоторые из пергаментных и папирусных свитков он успел продать городским антикварам. Остальные рукописи были конфискованы у старика израильским правительством. Где они сейчас и куда попали, не знает никто. Может быть, они давно уничтожены, как нашумевшие манускрипты Наг-Хамади.

– Отлично! – удовлетворённо кивнула девушка. – Вижу, не даром вы обучались в России. Если у вас остался ещё интерес к работе, предлагаю вам заняться со мной поиском таких же амфор, которых в расселинах скал возле Мёртвого моря можно ещё отыскать не мерянное количество.

– Так уж не мерянное?

– Может, и ничего не найдём, – парировала девушка. – Но если удача улыбнётся, нам выпадет приличное денежное вознаграждение. Кстати, мы ещё не познакомились. Меня Илоной зовут.

– Шимон, – представился юноша. – Похоже, вы официально принимаете меня на работу?

– Конечно, – девушка вскинула на собеседника зелёные глаза и машинально поправила прядку каштановых волос. – Вы же ищете работу? Или я ошибаюсь?

– Нет-нет, – поспешил её уверить Шимон. – Не ошибаетесь. Тем более, работа по специальности – что может быть лучше! Но кроме будущего шикарного вознаграждения за ещё не найденные рукописи, от вашего университета что-нибудь существенное ожидается?

– Конечно! – воскликнула Илона. – Оклад рабочего поисковой экспедиции. Это не слишком густо, но гораздо ощутимее, чем в России. Согласны?

– Да кто ж от такого откажется? – вопросом на вопрос ответил Шимон. – Надеюсь, позже вы объясните мне, откуда ветер дует, то есть кому всё это надо?

– Тому самому правительству, у которого где-то хранятся рукописи Наг-Хамади. В этом государстве ничего не исчезает бесследно и ничего просто так не уничтожается. Если вам кто-то из приятелей рассказал такую душещипательную детективную историю, то простите ему

дилетантство и неосведомлённость. Наш университет ничуть не хуже разбирается в архивных документах, чем американские конкуренты. Думаю, вы скоро в этом сами убедитесь.

– Но почему же тогда не просто от любопытных, а от учёных всего Земного шара прячутся найденные исторические документы? – искренне удивился Шимон. – Естественное, средства массовой информации сразу же раздули вселенский пожар вокруг обнаруженных документов, к которым не подпускают никого из любопытствующих и даже прямых специалистов, стоит ли удивляться, что Кумранские рукописи сразу были обозначены баснословными ценами на чёрном рынке, и такие криптографические свитки нет-нет, да и мелькают среди интересующихся. Только большинство из них – прекрасные подделки под старину. В наше время технического прогресса стало возможным изготовить за короткое время всё, имеющее спрос на чёрном рынке.

– Вы, я вижу, владеете настоящим фактическим материалом, касающимся археологических находок? – серьёзно спросила женщина, но серые глаза с поволокой откровенно смеялись над новым знакомым.

– Не знаю, насколько верны мои сведения, – растерялся Шимон. – Только так говорят сами продавцы и тут же предлагают купить «настоящий» «истинный» документ, случайно сохранившийся у него среди различного рода древностей.

– Эти слухи в большей мере распускают те же журналюги, оставшиеся без любимых косточек, которые и перемывать-то просто некому, – резюмировала Илона. – Я, например, тоже не склонна допускать средства массовой информации в специфику своей работы. А вы?

Где-то в селезёнке или другом внутреннем органе юноши заскребли когтями испуганные кошки. Так ведь и работу потерять можно ещё не получив её и не отведав из старинных свитков живительный глоток истории, доживший до нашего времени. Но в это время Илону отвлёк один из сотрудников, обратившийся к ней с какой-то рабочей бытовухой. Пока женщина решала текущий вопрос, Шимон уже готов был к бою, и когда Илона снова обернулась к нему, то увидела на лице юноши вежливо-ослепительную улыбку Чеширского кота:

– Похоже, я действительно попал под влияние жёлтой прессы. Но вы правы, журналистов надо всегда держать на безопасном расстоянии. Мало ли что им в голову взбредёт?!

– Вот и хорошо, – согласилась женщина. – Другого я от вас услышать не хотела бы. А сейчас, если вы окончили трапезу, предлагаю пройти в мой отдел. Там познакомимся с предстоящей работой, и я предоставлю вам текущие обязанности. В скором будущем нас ждёт Израильская пустыня, побережье Мёртвого моря и несколько населённых пунктов, где понадобится ваша способность в выуживании жаренных сплетен у местных кумушек, торгующих глиняными черепками, либо у охотников за жёлто-историческими фактами.

Это нужно, чтобы обнаружить по народным пересудам места, где могут быть археологические захоронения, либо ускользнувшие от внимания летописцев подземные капища или иудейские храмы.

– Разве такие существуют? – удивился Шимон.

– Сколько угодно! – Илона поднялась из-за стола, сделала знак рукой собеседнику, и отправилась по коридору вглубь университета, не прерывая своего рассказа:

– Подземных капищ и храмов вокруг Иерусалима сколько угодно. В своё время Цаддок, царь зелотов, позаботился о том, чтобы такие места были и чтобы мало кто мог бы донести фарисеям и саддукеям о действующих святилищах. Там религиозные обряды совершали Осе ха-Тора¹⁷

---

¹⁷ Осе ха-Тора (арам.) – те, что соблюдают Закон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.